

18+

У КРАЯ БЕЗДНЫ

АРТУР САМАРИ



Артур Самари

У края бездны

«Издательские решения»

Самари А.

У края бездны / А. Самари — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516122-2

В 1962 году мир оказался на грани Третьей мировой войны. США нацелили свои ракеты на СССР, а Советский союз разместил на Кубе, под боком у Америки, 60 ракет с ядерными головками. К тому же, к берегам США прибыли советские подлодки с ядерными торпедами. Казалось, война неизбежна. Это означало, что в ходе обмена ракет перестанет существовать не только СССР, но вся Европа. А так же 60 ракет будут запущены на города США.

ISBN 978-5-00-516122-2

© Самари А.

© Издательские решения

Содержание

НОЧЬ	6
ЛЮБОВЬ	13
ПЬЯНЫЙ ОФИЦЕР	15
ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД	21
КТО ЭТО?	26
МОСКВА	28
В КРЕМЛЕ	32
ГЕДДОН	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

У края бездны

Артур Самари

© Артур Самари, 2020

ISBN 978-5-0051-6122-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОЧЬ

Вашингтон, ноябрь 1962 года

В этот вечер президент США Джон Кеннеди и его супруга Жаклин принимали в одном из залов Белого дома гостей – деятелей искусства, ученых и важных политиков. Все приглашенные явились в костюмах темного цвета и галстуках или бабочках, а их супруги – в открытых вечерних платьях. У дам постарше на плечах красовались золотистые накидки или меха. В воздухе витал аромат дорогих духов. Между гостями сновали официанты в белых пиджаках, разнося на серебряных подносах фужеры с искрящимся шампанским. Многие из присутствующих знали друг друга и были рады этой встрече. В зале царило оживление: улыбки, легкий смех и голоса восторженных дам. Пять люстр со множеством хрустальных подвесок освещали лица гостей. Зал сверкал.

Джон Кеннеди в темно-сером костюме и его супруга в розовом платье и перчатках до локтя расхаживали среди гостей. Красивая пара одаривала всех приятными улыбками. Если это оказывался новый гость, Жаклин знакомила мужа, рассказывая об успехе того или иного ученого, художника, музыканта.

После ужина стали танцевать, и за длинным столом остались лишь пожилые политики, которые с рюмкой виски что-то обсуждали, забыв о своих женах. В углу играл маленький оркестр: пианист, скрипачи и флейтисты в жилетках изумрудного цвета. Джон и Жаклин закружились в вальсе. За ними последовали другие пары.

К концу вечера гостей пригласили в маленький концертный зал, который украшал белый рояль, а на стенах висели прекрасные образцы европейской классической живописи. Когда все удобно устроились в креслах вишневого цвета, Жаклин представила молодого талантливого пианиста Сержа Лаврова. От волнения лицо артиста пылало. Он опустил за рояль, и зазвучала чарующая мелодия Дебюсси «Лунный свет». Пианист в своем черном фраке словно плыл по волнам музыки. Кеннеди с супругой сидели в первом ряду. Глаза Жаклин сияли от восторга, однако президент был равнодушен к классике – в доме его отца такая музыка звучала редко. Там в основном говорили о политике и бизнесе. Кеннеди сидел с краю. В этот момент к нему тихо подошел советник Макджордж Банди. Склонившись к президенту, он зашептал:

– Сэр, извините за беспокойство, но Вас срочно хочет видеть директор ЦРУ. Говорит, по очень важному делу.

Кеннеди согласно кивнул и обратился к жене:

– Извини, дорогая, но мне нужно уйти.

Жаклин лукаво глянула на мужа и про себя решила: эту сцену Джон разыграл со своим помощником специально, чтобы уйти со скучного концерта или из-за большой спины, так как не мог долго сидеть. С юношеских лет Джон страдал болезнью Аддисона. Почти каждый день личный доктор делал ему обезболивающий укол в спину.

Когда президент вошел в свою приемную, там его ждал седой мужчина в очках в тонкой оправе, одетый в черный костюм – директор ЦРУ Маккоун. Рядом с ним сидели двое его молодых сотрудников. Все поднялись с мест. Маккоун держал в руках синюю папку. Лица разведчиков были напряжены. Едва президент успел пожать всем руки, как директор ЦРУ сообщил ошеломляющую новость.

– Господин президент, у нас есть доказательства, что СССР тайно установил на Кубе баллистические ракеты. Ядерные боеголовки направлены на крупные города США.

С лица Кеннеди сошла улыбка, он побледнел. Затем словно очнулся и обратился к Советнику по национальной безопасности:

– Макджордж, пожалуйста, пригласите ко мне министра обороны, начальника объединенных штабов и Роберта. Они все – в концертном зале.

Когда советник ушел, Маккоун представил президенту своих коллег:

– Это наши опытные шифровальщики Артур Ландал и Дени Бружони, именно эти офицеры обнаружили советские ракеты на фотографиях, сделанных нашим самолетом-разведчиком U-2.

– Господа, прошу вас в Овальный кабинет, – пригласил Кеннеди.

Сотрудники разведки последовали за ним.

Рядом с камином стоял длинный журнальный столик, вокруг него – два дивана со светлой обшивкой, на которые жестом указал президент сотрудникам ЦРУ. Сам он опустился в специальное кресло, чтобы смягчить нагрузку на спину. Но даже в таком положении он не мог сидеть более получаса, боль давала о себе знать.

Вскоре вместе с Банди явились все приглашенные политики и устроились на диване напротив сотрудников ЦРУ. И тогда президент сообщил им ужасную новость.

– О, Господи! – в один голос вырвалось у политиков.

– Только не это, не это! – воскликнул Роберт Кеннеди, министр юстиции, брат президента, который был на семь лет моложе Джона.

Теперь все смотрели на директора ЦРУ, желая скорее узнать подробности. Маккоун вынул из папки три большие фотографии и разложил их на столе.

– Эти фотографии, – начал он, – были сделаны вчера вечером самолетом «Локхид» U-2 с высоты в двадцать километров. Как нам всем известно, Советы поставляют оружие Фиделю Кастро, который три года назад захватил власть в своей стране. В последние месяцы кубинцы получают от СССР много различных грузов, которые доставляются на этот остров на торговых судах. Среди них есть и военная техника. Хрущёв заверил весь мир, что это оружие носит лишь оборонительный характер, и обещал, что ни одна ядерная бомба не покинет территорию СССР. Так вот, он обманул нас и весь мир. Вот тому доказательства. Сейчас мои шифровальщики расскажут об этих советских ракетах, заснятых в кубинских джунглях.

Карандашом Ландал указал на объекты в форме сигар, а также на сеть белых линий, ведущих к ним. Все склонили головы над фотографиями.

– Это пусковые площадки для баллистических ракет средней дальности. А вот это – два военных лагеря русских на южной конечности Сьерра-дель- Росарио.

– Где именно? – спросил президент.

– Это западная часть Кубы. В этом лагере видны четырнадцать ракет, закрытых брезентом, длина их составляет 67 футов, ширина – 9 футов. В другом лагере – вот это место – есть различные средства транспортировки этих ракет и палатки.

– А вот и сами ракетные установки, – указал директор ЦРУ, бывший энергетик-ядерщик. – А этот трейлер с ракетой движется к месту пусковой площадки.

Ландал добавил:

– По всей видимости, эти четыре ракетные установки еще не приведены в боевую готовность.

Однако министр обороны Роберт Макнамара, бывший профессор Гарвардской школы бизнеса, заметил:

– Но эти ракеты можно быстро подготовить к запуску.

Кеннеди обратился к директору ЦРУ:

– Вы уверены, что это настоящие наступательные ракеты средней дальности?

– Да. У нас есть характеристики этих ракет, мы их получили от нашего важнейшего источника в СССР.

– Что еще известно этому разведчику об отправке ракет на Кубу?

– К сожалению, три месяца назад чекисты арестовали его и расстреляли.

– Речь идет об Олеге Пеньковском? Надеюсь, он пострадал не по нашей вине?

– Сам допустил ошибку, то есть потерял бдительность. Мы пытались спасти Пеньковского, однако не удалось.

– Какие еще имеются доказательства, что это баллистические ракеты с ядерными боеголовками?

Директор ЦРУ обратился ко второму шифровальщику:

– Дени, поясни господину президенту, как ты вышел на эти ракеты.

Молодой, лет тридцати, офицер смутился – этих важных политиков он видел раньше лишь по телевизору. И вот теперь должен выступить пред ними. Лишь одно успокаивало: многие из них почти так же молоды, как и он – может, лет на десять-пятнадцать старше.

– Изучая эти фотографии, я обратил внимание на новые дороги в джунглях. Прежде всего меня заинтересовал разворот этих дорог. Для обычных машин они слишком широкие. Тогда для какой же техники они предназначены? Мы перебрали все советские машины и остановились на трейлере для перевозки ракет. Именно такому тягачу нужен столь широкий разворот. И второе: зачем в джунглях строить дорогу с бетонным покрытием? Это нужно лишь для тяжелых машин типа трейлера. Вот фото такого тягача с баллистической ракетой во время парада в Москве.

Указывая на фото, Ландау добавил:

– Это военный парад на Красной площади – русские любят хвалиться своим оружием. Вот ракета, установленная на трейлере, – это их новинка. Ее длина и форма совпадают с ракетой, снятой на Кубе.

А директор ЦРУ, как бывший ядерщик, пояснил:

– На этих ракетах Р-12 установлены ядерные заряды мощностью в одну мегатонну – это в шестьдесят раз мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму. За считанные минуты они могут долететь до Нью-Йорка, Чикаго, Вашингтона и стереть их с лица земли.

После таких доказательств ни у кого не осталось сомнений, что коммунисты приставили дуло пистолета к голове американцев. В кабинете президента повисла гнетущая тишина. Никогда США – самое сильное государство мира – не оказывалось столь уязвимым, хотя по количеству ядерных ракет Америка превосходила Советы в пятнадцать раз. Если у русских их было триста, то у американцев – пять тысяч. Как оказалось возможным, что какие-то фанатики с ложной идеей о рае на земле и слабой экономикой могут уничтожить их страну? В этом Кеннеди и его команда винили себя. Как они не заметили, что Советы вместе с обычным вооружением тайно доставили на Кубу ядерное оружие? Теперь этот островок угрожает городам США с миллионным населением, и для этого достаточно десятка советских ракет типа Р-12 и Р-14, которые уже на там, всего в ста пятидесяти километрах от берегов Флориды.

С минуту все молчали, пока Кеннеди не воскликнул:

– О Господи, неужели Хрущёв не понимает, что тем самым Советы объявляют нам войну? Воевать с ядерным оружием – это же безумие! Мы уничтожим не только себя, но и всю планету! Наступит ядерная зима, и все живое погибнет...

Министр обороны Макнамара достал из кармана платок, протер свои очки, смахнул капельки пота со лба и только потом произнес:

– Мы переживали, что Куба пошла по пути социализма – самого уродливого строя на земле... Однако эти ракеты у нас под боком в тысячу раз страшнее. Не зря мы хотели свергнуть Кастро. Как жаль, что операция кубинских повстанцев в заливе Кочинос провалилась! Сейчас у нас не было бы такой ужасной проблемы.

Брат президента Роберт Кеннеди выразился более образно и точно:

– Коммунисты приставили к нашему виску пистолет, и теперь в любой момент могут нажать на курок. Мы должны уничтожить эти установки, – почти выкрикнул Роберт, – и немедленно, пока эти ракеты не привели в боевую готовность!

Президент был того же мнения, но предстояло обсуждение. И тут Макнамара сказал еще более страшную вещь:

– Это могут быть не единственные ракеты в джунглях. А что, если на острове имеются еще установки, о которых мы не знаем? Мы начнем их уничтожать, а в ответ в нашу сторону могут полететь другие ракеты...

Банди возразил:

– Советы не сделают этого, ведь тогда натовские ракеты из Турции, Италии, Англии уничтожат сотни их городов. Разумеется, в ответ русские своими ракетами среднего радиуса уничтожат всю Европу. Тогда мы запустим тысячи межконтинентальных баллистических ракет, которые за тридцать минут долетят до территории СССР. К нашему счастью, у Советов еще нет ракет такого класса. Это будет настоящий Армагеддон! Такого сценария никто не захочет, поэтому я уверен: коммунисты не пустят в ход свои ракеты на Кубе, ведь они же не самоубийцы.

Они – фанатики, – ответил Роберт, – от них можно ожидать что угодно.

И опять в Овальном кабинете стало тихо. Затем директор ЦРУ сказал:

– В последние месяцы на Кубу прибывает очень много советских кораблей, в основном с сельхозтехникой и продовольствием. Народ Кубы уже третий год голодает, так как Фидель уничтожил прежнюю экономику, но не смог создать новую. У нас была надежда, что кубинцы, которые не хотят социализма, сами убьют Кастро, но теперь рассчитывать на это нельзя, так как советские чекисты помогли Кастро расправиться со своей оппозицией. Более пятнадцати тысяч были расстреляны, десятки тысяч бежали из страны. Мы должны сами вторгнуться на Кубу – и медлить нельзя, иначе у нас под боком Советы создадут мощную военную базу. К тому же Кастро готовит в своих лагерях партизан для захвата власти в странах Латинской Америки. Как и Хрущёв, он мечтает о всеобщем коммунизме.

– Что за люди обслуживают эти ракеты? Надеюсь, не кубинцы? – задал вопрос президент.

– Это русские, одетые как кубинцы. В джунглях возникли целые палаточные городки. Местных туда не пускают, всё огорожено колючей проволокой, солдаты охраняют весь периметр. А между тем советское оружие – а значит и ракеты – продолжает поступать на Кубу... Хрущёв врал всему миру, что они поставляют Кастро лишь обычное вооружение.

Еще месяц назад на Совете безопасности у президента Маккоун заявил, что Хрущёв может воспользоваться ситуацией на Кубе и создать там военную базу с ядерным оружием. «Это очень удобный случай для СССР, – сказал тогда директор ЦРУ, – чтобы в гонке ядерного вооружения не отстать от США». Но в те дни у него не было тому доказательств, хотя самолеты-разведчики ежедневно фотографировали с воздуха грузы русских судов, идущих на остров.

Кеннеди произнес:

– Я думаю, мы можем отпустить наших умнейших шифровальщиков, но прежде хотелось бы выразить им благодарность за прекрасную работу. Своей наблюдательностью и умом вы очень помогли своей стране.

Президент встал с кресла, Ландал и Бружони тоже поднялись с дивана. Каждому из них он пожал руку и каждого похлопал по плечу. Офицеры вытянулись, словно желая отдать честь. Другие политики также похвалили молодых офицеров за хорошую работу.

И тут директор ЦРУ напомнил всем:

– Как вы понимаете, господа, об этом разговоре никто не должен знать.

От счастья глаза молодого Дина стали влажными, он был готов расплакаться. Такая честь для молодого человека!

Один из помощников президента проводил офицеров до служебных ворот Белого дома. Там их уже ждал черный автомобиль.

В Овальном кабинете продолжили обсуждение. Вначале большинство политиков было за то, чтобы нанести внезапный удар по советским ракетам, а уже затем начать вторжение на Кубу. Такой вариант казался самым удачным. Однако в джунглях могли быть и другие установки, уже готовые к запуску, и тогда... От такой мысли у президента по телу пробежала холодная дрожь. Голова шла кругом. Что же делать? Как убрать их с острова и при этом избежать ядерной войны с Советами? При всем том, что русские, наверное, продолжат завозить всё новые ракеты. Как остановить этих безумцев? «Один мой неверный шаг – и сотни миллионов людей погибнут, как в США, так и в Европе и СССР. А ведь Хрущёв непредсказуем».

Кеннеди показалось, что ему не хватает воздуха. Джон развязал галстук, встал с кресла и вышел на широкий освещенный балкон с видом на лужайку. Дул легкий ветерок, но президент ничего не чувствовал, весь поглощенный своими мыслями. «Как избавиться от этих ракет, как спасти страну от ядерной угрозы?»

– Я тоже думаю об этом, – вдруг сказал кто-то с другого конца балкона.

Джон резко обернулся и увидел пожилого человека, важного вида, с седеющей бородкой и усиками, в черном костюме и шляпе. Он сидел на красном стуле. Удивленный Кеннеди шагнул к нему и спросил:

– Извините, кто Вы?

– Я – профессор политологии Берг, преподаю в Гарвардском университете.

– Как вы тут оказались?

– Разумеется, явился на своих двух ногах – я же летать не умею, – старик хитро улыбнулся. – Не удивляйтесь, господин президент, меня пригласил сюда директор ЦРУ – Маккоун. Я в курсе всего происходящего. Он сказал, что Белый дом нуждается во мнении опытного политолога. Я хорошо знаю психологию русских коммунистов и не раз беседовал с Хрущёвым.

– То, что Вы лично знаете генсека Хрущёва, для нас очень важно. А почему Вы на балконе?

– У меня застарелая астма, я не могу без свежего воздуха. Я слышал весь ваш разговор и думаю: Вы правы на все сто. Пока не поздно, США должны нанести мощный удар по Кубе. Другого решения не может быть. Иначе станет поздно, русские установят все ракеты. От внезапного удара Хрущёв вмиг протрезвеет и откажется от своей авантюры. Видимо, такое решение генсек принял после второй или третьей бутылки водки, – на лице профессора появилась улыбка. – Я уверен, что Советы завезли свои ракеты недавно, и они еще не готовы к пуску.

– Но в джунглях могут быть и другие ракеты...

– Поверьте мне, Хрущёв не самоубийца, он прекрасно понимает, что если хоть одна ракета полетит в США, то сразу начнется война, и СССР будет уничтожен.

Берг говорил убедительно, и президент задумался. Пожилой профессор произвел на него приятное впечатление. На самом деле Берг обманул президента: ему было хорошо известно, что советские офицеры уже семь ракет навели на города США и что командующий советскими войсками на Кубе генерал Иванов получил право самолично запускать эти ракеты, а рука у него не дрогнет. Этот фанатично преданный своему правительству человек готов сам погибнуть и унести в могилу миллионы других жизней во имя господства идей социализма во всем мире.

И тут из Овального кабинета донесся телефонный звонок. Кеннеди сказал:

– Извините, господин Берг, меня к телефону.

– Да, конечно, сейчас я присоединюсь к Вам.

Кеннеди вернулся в кабинет, где шло обсуждение. Он подошел к письменному столу и поднял трубку. Звонила Жаклин.

– Дорогой мой, где ты?

– Я у себя в кабинете.

– Гости уже разошлись. Когда ты придешь? Дети хотят спать... Нам ждать тебя? (Семья президента жила в соседнем крыле Белого дома).

– Не ждите, ложитесь спать: возникло очень важное дело. Я приду поздно.

Жаклин хотелось еще что-то сказать, но она всё же опустила трубку. Еще какое-то время она постояла у столика в раздумье. Жаклин ревновала мужа, ведь сегодня на вечеринку явилась известная модель Глория, хотя в списке гостей ее не было. Как она очутилась в Белом доме? Может быть, сам Джон пригласил ее? Если это так, то не зря гуляют сплетни, что президент увлечен этой моделью. Жаклин хотелось прямо спросить мужа: «Это ты пригласил Глорию?» Но она не решилась, ведь этим она унизит себя. «Может, именно сейчас Глория сидит в его кабинете?» Эта неопределенность мучила ее, и, покидая зал, Жаклин спросила у второго помощника президента:

– Вы видели моего мужа?

– Президент у себя в Овальном кабинете.

– А где Роберт, я не вижу его?

– Он у президента, там же Макнамара и директор ЦРУ.

Жаклин облегченно вздохнула, улыбнулась про себя и, забрав детей, ушла из опустевшего зала.

Тем временем в Овальном кабинете Кеннеди вернулся к своему креслу и сказал:

– Надо завтра же создать Совет, который изучит эту ситуацию и рассмотрит разные варианты по уничтожению ракет на Кубе. Роберт, я поручаю это тебе. А ЦРУ нужно значительно увеличить количество полетов самолетов-разведчиков над Кубой. Ищите новые установки ракет.

После этих указаний все покинули кабинет. Остался лишь президент, всё еще в раздумье сидящий в своем кресле. Прошло минут десять, вдруг он вспомнил о профессоре Берге, который так и не явился на совещание. «Неужели он до сих пор на балконе? Может быть, старику стало совсем плохо?» Кеннеди вышел туда и был сильно удивлен. Венский стул, на котором сидел профессор, был пуст.

– Что за чертовщина? Не мог же он улететь отсюда? Очень странно! Да и директор ЦРУ ничего не сказал о нем.

Кеннеди вернулся к своему рабочему столу и позвонил Маккоуну.

– Джон, с Вами говорит президент. Сегодня Вы привели собой в Белый дом профессора Берга. Где он?

– Извините, господин президент, но со мной были только два шифровальщика.

– А разве Вы не знакомы с профессором Бергом из Гарварда?

– В первый раз слышу о таком. А что случилось?

– Ничего особенного, видимо, я просто переутомился.

– Господин президент, я советую Вам отдохнуть. Завтра будет очень тяжелый день. Спокойной ночи!

– Вы правы, и Вам того же!

Кеннеди поднялся на второй этаж Белого дома, где жила его семья. Прежде чем пойти в спальню, он заглянул в детскую комнату, и при розовом свете ночника стал разглядывать спящих в своих кроватках детей. Сначала – маленького Джона, затем – Кэролайн. «О Господи, что будет с ними, – взмолился отец, – если завтра разразится ядерная война? Что будет с миллионами американских детей? Неужели их жизнь вмиг оборвется, и они так и не познают ее радостей?...»

Когда Джон вошел в спальню, супруга уже спала. На столике горела слабая лампа с абажуром. Морщась от боли в спине, он снял костюм, галстук и бросил всё на кушетку. Джон знал: сегодня ему не заснуть. Для такого случая на тумбочке лежало снотворное, он выпил две желтые таблетки. Когда стакан с легким стуком опустился на столик, Жаклин открыла глаза.

– Джон, что-то случилось?

– Тебе лучше не знать, иначе не сможешь спать. Завтра расскажу.

– Я уже не смогу заснуть, пока не узнаю, – жена, одетая в голубую ночную сорочку, пристроилась за спиной мужа и стала гладить его плечи.

– Ну хорошо, я скажу, только пока – никому.

Джон сообщил о русских ракетах на Кубе, которые нацелены на города США.

– О Господи! – застонала супруга и крепко обняла спину мужа. – Что будет с нашими детьми?

– Знаешь, я всегда чувствовал себя уверенным политиком, а вот сегодня мне стало страшно: а вдруг не справлюсь с этой проблемой...

– Чего хочет этот клоун Хрущёв, что ему надо от нас?

– Пока я не знаю. Вряд ли он хочет поставить Америку на колени для защиты Кубы. Мы такое не можем допустить, а это – война. Давай не будем об этом. Я так устал, что уже сам с собой начал разговаривать.

– Пожалуй, мне тоже нужно принять снотворное, иначе не засну.

ЛЮБОВЬ

Два шифровальщика ЦРУ сели в изящный «империал» и покинули Белый дом. Их везли домой по широким улицам с редкими прохожими. Первым из машины вышел Ландау.

– Дени, ситуация сложная, будь готов к тому, что могут вызвать на работу даже среди ночи! – сказал он на прощание своему помощнику.

Машина тронулась, и шофер, средних лет мужчина в строгом костюме, спросил:

– Сэр, куда Вас доставить?

– Поехали к Детскому универмагу.

Через десять минут они были на месте. Это был тихий жилой район с двухэтажными коттеджами. Правительственный «империал» остановился возле телефонной будки, Дени решил позвонить своей невесте. Войдя в будку, он бросил в щель монетку и набрал номер.

Трубку подняла ее мама.

– Добрый вечер, мадам Крикас! Это Дени. Прошу прощения за столь поздний звонок, можно Софию к телефону?

– О, да! Как Вы поживаете, Дени, как родители?

– Благодарю, у нас всё хорошо, вот только работы так много, что не могу заглянуть к Вам.

Трубку взяла София, которая в этом году окончила тот же университет, что и Дени, и теперь работала в биохимической лаборатории.

– Привет, откуда звонишь, должно быть, с работы?

– Не угадала. Даю тебе еще один шанс. Ну-ка, отгадай!

– Из дома?

– Примитивно мыслишь. Где же твоя логика, ты ведь ученый человек?

– Я и без этого устаю в лаборатории, еще ты мучаешь меня. Хорошо, телефоны имеются в офисах и домах, а также на улице. Тогда ты звонишь с улицы, и моя логика подсказывает, что ты где-то рядом. Это может быть телефонная будка рядом с Детским универмагом.

– Умница, я тебя очень люблю. Жду тебя здесь.

Дени зашагал в сторону ее дома. У калитки, где горел круглый фонарь, он заметил свою девушку. Кареглазая София была в цветном халате, каштановые, до плеч, волосы распущены – видимо, готовилась ко сну. Она устремилась навстречу, и влюбленные обнялись среди пустого тротуара. Смуглый Дени, как истинный итальянец, стал целовать ее так горячо, словно не виделись они целую вечность.

– С тобой явно что-то происходит, ну-ка, признавайся, – широко улыбаясь, сказала девушка.

– Час назад кое-что произошло... Теперь я стал ценить жизнь еще больше, то есть хотел сказать, что люблю тебя сильнее. Эта новость сильно подействовала на меня, захотелось увидеться с тобой, пусть даже среди ночи. К сожалению, я не имею права говорить об этом.

– Не могу понять, как твоя работа может повлиять на любовь. Может, в ЦРУ изобрели таблетку, которая усиливает чувства?

Оба тихо засмеялись.

– Не мучайся догадками, всё равно не отгадаешь. Об этом знают лишь единицы, и по этому поводу меня даже вызвали к директору ЦРУ.

– Надо же, ты делаешь успехи!

– Да, он похвалил и сказал: «Спасибо, сынок, за хорошую работу». С ним приятно было беседовать, он специалист по ядерной физике.

– Я рада за тебя! Если учесть, что ты работаешь там всего три года...

– Давай не будем о моей работе!

– Ладно, тогда – о нашей свадьбе. Ты уже нашел ведущего на наше торжество?

– Еще нет, слишком много работы, даже в обеденный перерыв не могу отлучиться...
– Времени осталось совсем мало.
– Постараюсь завтра же решить. Давай прогуляемся, а то весь день не мог голову оторвать от стола.

Дени обнял невесту за плечи, и они медленно пошли по пустой улице.

– А что, если в воскресенье мы ходим в церковь Девы Марии, – сам не понимая почему, предложил Дени.

– Что с тобой, ведь ты бываешь в церкви лишь с родителями по праздникам?

– Не знаю, что, но в душе очень хочется.

– Потерпи еще неделю, будет наша свадьба, и мы пойдем туда.

– В день свадьбы – это нечто другое, это – как формальная традиция. А я хочу просто пообщаться с Богом и попросить мира на Земле.

– Ладно, ходим, хотя странно слышать от тебя такое.

– Меня самого это удивляет, но этого желает моя душа... Увлеченные карьерой, мы стали забывать о Боге, а ведь это – наша душа. Иисус – это прежде всего – символ любви к жизни.

– И это говорит умник из Гарварда, почти атеист! Не ты ли утверждал, что даже душу можно просчитать с помощью математических формул?

– Кажется, я ошибался. Именно сегодня я осознал цену человеческой жизни.

Дени припал к губам любимой и стал горячо целовать ее, словно то была последняя их встреча...

У дома Софии Дени остановил такси и сказал:

– Я должен быть дома, в любой момент за мной может приехать машина из офиса. К тому же нужно выспаться, иначе не смогу работать.

ПЬЯНЫЙ ОФИЦЕР

Куба, джунгли

Раннее утро. Палаточный военный городок среди пальм еще спал. Рядом застыли в вертикальном положении три советские ракеты с ядерными боеголовками. Эти двадцатиметровые цилиндры с острыми носами глядели в небо, готовые к полету на города Америки. Другие ракеты еще лежали на своих тягачах. В джунгли их доставляли глубокой ночью из порта Мариэль. Рядом с ними находились длинные бензовозы для заправки ракет. Эту территорию плотным кольцом охраняли советские солдаты с автоматами, одетые в зеленую форму кубинских военных.

Ранним утром в этом военном городке среди джунглей умер майор Черных. К нему в палатку заползла ядовитая змея, длиной более метра. Черных проснулся от того, что у живота почувствовал что-то холодное. Офицер запустил руку под одеяло и почувствовал нечто шевелящееся. От сильного испуга он резко откинул одеяло и увидел пятнистую змею, зажатую в своей руке. Черных не успел отбросить от себя эту тварь, та вцепилась ему в плечо. Вася Черных закричал от страха и боли.

Тут же с соседней койки вскочил подполковник Карасев. Увидев ужасную сцену, он схватил змею за хвост и выскочил с ней из палатки, и уже там с размаху ударил тварь о землю. И так – раз десять, пока змея не перестала извиваться.

Когда Карасёв вернулся в палатку, другой офицер уже прикладывал к лицу товарища свой платочек, который стал красным. Кинулись за врачом в крайнюю палатку, где был устроен лазарет для больных малярией и дизентерией.

Молодой доктор сразу явился с аптечкой в руке. Черных стонал, все лицо его покрылось испариной. Врач, присев рядом, промыл рану и сделал укол.

– Я умру, как и другие ребята? – спросил больной. – Скажи мне правду!

– Нет, не умрешь, об этом не думай. У меня есть хорошее лекарство, а пока надо пить много воды.

Врач вышел из палатки, за ним – подполковник Карасёв:

– Есть надежда? Это мой близкий друг, мы одно училище окончили и с тех пор всегда вместе.

– Не знаю, укус глубокий, много яда проникло в организм. Будь у нас сыворотка, тогда можно было бы спасти, как и других ребят. Если бы мы знали, что едем на Кубу, где много змей, конечно, взяли бы собой... Но это держалось в секрете.

– А если я сейчас поеду в Гавану и найду там сыворотку?

– Я уже был там: кубинские аптеки пусты.

– Доктор, умоляю, спаси моего друга!

– Если бы я мог, то спас бы и тех двух солдат, что умерли вчера. За неделю у нас три трупа от змей и еще двое от малярии – это слишком много. И это – только в нашей войсковой части. Что будет дальше, не знаю...

Чтобы не слышать стонов умирающего друга, Карасёв ушел подальше. Он не мог больше сдерживать рыданий. «А ведь у Васи две дочки, такие красавицы», – сквозь слезы повторял он. Немного успокоившись, Карасёв вернулся в палатку и присел рядом с другом. От капель липкого пота всё лицо и тело Черных были мокрыми.

– Коля, друг мой, – застонал майор, тяжело дыша. – Прошу тебя, не оставляй мою семью, пока девочки не вырастут.

– Врач сказал, что у тебя есть надежда, потому что крепкое сердце. Не думай о смерти, борись за жизнь.

Вскоре у майора Черных парализовало всё тело. Спустя час остановилось и сердце.

После полудня состоялись похороны. Вокруг свежавырытой ямы собрались солдаты майора Черных. Прежде чем опустить красный гроб в кубинскую землю, с речью выступил командир полка Ставенко:

– Товарищи, мы здесь выполняем свой интернациональный долг. Наша задача – спасти социализм на Кубе, защитить кубинский народ от агрессии США. Как вам известно, мы разместили здесь два типа ракет с ядерными боеголовками. Так вот, не будь их здесь, проклятые американцы уже захватили бы остров и опять установили бы свой хищный строй – капитализм. Поэтому смерть наших товарищей на этом острове – это подвиг. Сегодня мы прощаемся с майором Черных. В его смерти повинны американцы – наши враги. Если они не угрожали бы Кубе, сейчас мы были бы дома, и этого не случилось бы. Наступит день, когда наша страна и наш народ будут гордиться такими героями, как Черных. Это случится, когда с этой операции будет снят гриф секретности. Пусть земля будет ему пухом, – такими словами завершил свою речь полковник, и, по русскому обычаю, чуть не перекрестился, однако вовремя опомнился и опустил руку, ведь он – коммунист, атеист.

Слово дали Карасёву – близкому другу покойного. Дрожащим голосом он заверил своего друга, что всю жизнь будет помнить его. Более говорить не смог, рыдания душили его.

Так на самодельном кладбище возник пятый бугорок с красной звездой, выструганной из дерева.

В палатке командира полка офицеры провели скромные поминки. На столе – хлеб, банка тушенки и бананы. По такому случаю командир разрешил выпить спирт, чтобы помянуть покойного. Ставенко сам открыл фляжку и разлил по кружкам прозрачную жидкость. Все разом, не чокаясь, выпили. Закусили тушенкой из жестяной банки и затянули патриотическую песню о трудном пути построения социализма, о заветах вождя Ленина и о тех героях, кто отдал свои жизни ради святого дела – коммунизма. Такие песни, заученные еще в школе, укрепляли их веру и готовность жертвовать собой во имя великой цели. И после таких песен уже мало кто из них задумывался о том, зачем они в этих джунглях, в одиннадцати тысячах километров от родины.

– Давай, налей еще по одной! – сказал Карасёв, когда песня закончилась.

– Хватит, – ответил командир, – у нас здесь ракеты с ядерными боеголовками, и пить категорически запрещено, но я позволил, так как Василий был настоящим офицером и хорошим мужиком. Ладно, тебе, Карасёв, я налью: всё-таки вы с ним были закадычными друзьями. Пусть Карасёв сегодня отдыхает. А всем остальным приступить к подготовке ракет. И как можно скорее – таков приказ. Если американцы заметят нас и долбанут по нашему лагерю, мы должны успеть запустить в их сторону хотя бы парочку ядерных бомб. А сейчас я должен ехать в Гавану, меня вызывает генерал Иванов.

Все офицеры поднялись из-за стола и разошлись. Лишь Карасёв остался сидеть с поникшей головой. Очнувшись, он залпом выпил из кружки. Внутри стало тепло. Закусив бананом, затянул жалобную песню.

– Эх, Вася, Вася, мой друг, – вдруг прервал он пение и ударил кулаком по столу. – Будь прокляты эти американцы, чтоб эти все богатенькие буржуи сдохли!

Карасёв заплакал, слезы рекой лились по его красному лицу. Затем решил еще раз выпить в память о друге. Он знал, где командир прячет фляжку со спиртом. Как только выпил, на душе стало легче, зато прибавилось ненависти к врагам.

Спустя час, после пятой уже кружки, его стало тошнить. Карасёв еле вышел из палатки, и под пальмой его стало рвать.

Затем, шатаясь, он побрел к месту установки ракет. Три из них уже были готовы к запуску и приняли вертикальное положение. Установкой других занимались офицеры и солдаты. Когда Карасёв нетвердой походкой подошел к ним, капитан Смирнов остановил его:

– Товарищ подполковник, может, Вы сегодня будете отдыхать?

Карасев послал его «подальше» и зло прошипел:

– Ты, капитан, будешь надо мной командовать?! – Схватив Смирнова за грудки, стал трясти так, что с того кепка слетела с головы.

– Я просто хотел...

Тут к ним подоспел майор Ушаков и стал успокаивать:

– Товарищ подполковник, может быть, Вы отдохнете? Мы тут сами управимся, ведь у Вас такое горе!

– Эти суки, американцы... Васю убили... – язык Карасева заплетался. – Скажи, почему они не дают спокойно жить кубинцам, нашим братьям? Все боятся американцев, все сыкуны – а я не боюсь.

– Товарищ подполковник, давайте я провожу Вас до палатки!

– Нет. Меня тошнит, я вышел погулять, а ты хочешь меня опять в палатку... Я тут погуляю, среди моих любимых ракет.

Все офицеры разошлись.

Карасёв стал ходить от одной ракеты к другой. Разглядывая их с умным видом, он даже стал давать указания солдатам, типа:

– А вы проверили давление, топливные шланги укрепили как следует?

Солдаты, улыбаясь, кивали ему головой, мол, всё в порядке.

Затем Карасёв застыл у одной из ракет, которая была готова к запуску. Закурил, с минуту о чем-то думал. Когда созрела мысль, он украдкой осмотрелся и заметил: никто не обращает на него внимания. Тогда он поднялся в кабину машины и устроился за пультом управления ракеты. На нем был указан город Нью-Йорк и его координаты. Карасёв знал, что это самый главный город США и что там живет слишком много людей. Хотя он был чертовски пьян, но убить миллионы не решился: ему стало страшно. Вдруг возле машины Карасёв услышал голос.

– Товарищ подполковник, – обратился к нему майор Ушаков, открыв дверцу, – что Вы тут делаете? Вы же сказали, что будете просто гулять.

– Надоело гулять, вот и решил тут посидеть. Ну ладно, я уже выхожу.

Офицер помог ему сойти вниз и спросил:

– Вас проводить до палатки?

– Я сам, зачем меня провожать, я же не баба!

Оба офицера тихо засмеялись.

– Товарищ подполковник, только не курите здесь, все-таки ракеты уже заправлены.

Шатаясь, Карасев побрел к палаткам, злобно бормоча: «Надо отомстить за Васю, кто-то должен наказать этих сволочей! Кто, как не я – лучший его друг? Но я не злодей. Убить разом несколько миллионов – это слишком. Я должен найти другой город, где живет меньше людей.

В его палатке на тумбочке стоял зеленый сейф. Оттуда Карасёв достал карту США с точными координатами городов. Он сел на свою кровать, раскрыл карту и выбрал городок с численностью в полмиллиона человек. То был Мобил, недалеко от Мексиканского залива, рядом с Кубой.

– Ракета долетит туда очень быстро. Это будет городом возмездия. Ненавижу богатых, сытых. Почему американцы должны жить лучше?

Когда подполковник записал координаты Мобила на клочке бумаги, ему стало немного страшно.

– Не трус, – сказал он себе, – за это тебе дадут звание Героя Советского Союза!

Затем он зашел в соседнюю палатку, где были поминки. Там налил в кружку остатки спирта и залпом выпил для храбрости.

Карасёв поплелся к ракете. Теперь на него никто не обращал внимания: пусть себе гуляет. Он снова влез в кабину тягача, открыл крышку пульта, быстро сменил координаты и внес код

запуска ракеты. И вот уже трясущийся палец застыл над кнопкой «Пуск». И всё же он не мог решиться. Вдруг из бокового окошка кто-то окликнул его. От неожиданности Карасёв нажал на кнопку и сразу убрал палец, однако уже было поздно: замигала красная лампочка.

– Товарищ подполковник, Вы что наделали?! – в ужасе закричал Ушаков и упал ничком на землю рядом с тягачом.

В этот миг из-под вертикально стоящей ракеты с шумом вырвалось пламя. Ракета взметнулась ввысь.

Потрясенные офицеры и солдаты, вытаращив глаза, задрали головы к небу. Кто-то дико закричал:

– Нам конец, сейчас янки долбанут по нам своими ракетами!

Все понимали, что в ответ американцы пустят в них такую же ракету, в одну мегатонну. От нее никуда не убежать. Она может уничтожить всё живое в радиусе более десяти километров. Да и без приказа генерала Иванова они не имели права покинуть эту зону.

За десять минут ядерная боеголовка долетела до города Мобид. Этот старинный городок был основан испанскими конкистадорами, а затем возрожден французскими колонистами. В нем европейская архитектура прошлого века сочеталась с высотными зданиями банков, фирм, компаний. В тот день в центре Мобида проводился карнавал, посвященный Дню города. По широкой улице шествовали колонны людей, одетые в свои старинные национальные одежды. На улицах – множество народу. Карнавал возглавляла конная колонна индейцев с разноцветными перьями на голове. Эти смуглые люди были одеты в яркие одежды с геометрическим орнаментом. Были и группы полуобнаженных пеших индейцев с копьями и луками. Они представляли разные племена. За ними ехали деревянные повозки с женщинами и детьми, поющими старинные песни. За индейцами шествовали потомки Колумба – женщины и мужчины в средневековых испанских нарядах, а также простолюдины в весьма скромных одеяниях. Далее следовали потомки галантных французов XVIII века. Казалось, в этот день ожила история города.

Зрители с тротуаров махали им и даже подпевали. Другие горожане в этот день отдыхали в парках, музеях, концертных залах. Была осень – сезон свадеб, и у церкви собралось много людей, одетых в праздничные костюмы.

Никто из них не заметил, как над городом появилась ракета. Ее боеголовка была в десятки раз мощнее той, что сбросили на Хиросиму. Ракета оказалась ближе к окраине Мобида. Внезапно над городом вспыхнуло яркое свечение, словно само солнце опустилось к ним. Люди на улицах резко подняли головы, и их ослепил такой мощный свет, что многие ослепли. Полгорода оказалось в зоне эпицентра взрыва. Тела людей сгорели так быстро, что даже одежда не успела вспыхнуть. Те, кто оказался под огненным шаром в радиусе километра, просто испарились – там температура достигала пяти тысяч градусов. Под этим шаром возник огненный столб в километр диаметром, от него шел такой жар, что по всему городу возник пожар. Чем дальше от центра, тем огонь был слабее.

Те, кто был на карнавале, оказались в зоне эпицентра и вмиг сгорели. Широкая улица была завалена обугленными телами, а устоявшие при взрыве дома горели... Люди, которые отдыхали с детьми в парке развлечений – на окраине города – превратились в прах, в кучки черного пепла. В желтой песочнице, где играли дети, песок расплавился и превратился в стекло. На широкой лестнице, ведущей к Дворцу бракосочетания, где секунду назад шли жених и невеста со своими родными и друзьями, лежали обугленные трупы. А в цветущем старинном парке, где гуляли люди, уже бушевал такой огонь, что горели не только деревья, но и земля с травой.

Повезло тем, кто оказался дальше всего от эпицентра. Они остались живы, хотя их лица, руки и ноги обгорели. Но самое страшное было впереди.

В огненном шаре возникло чудовищное давление, которое с оглушительным грохотом разнеслось по городу. То была ударная волна, то есть ураганный ветер такой силы, что в эпицентре слабые дома сравняло с землей, а высотные рухнули до нижних этажей. Обгоревшие каркасы автобусов, грузовиков и автомобилей неслись по воздуху, словно пустые коробки. Те, кто спаслись в первые секунды от огненного жара, затем погибли под завалами своих домов. В радиусе пяти километров всё было разрушено и горело.

Затем розовый шар взрыва стал расти, и большая часть города погрузилась во тьму из-за густой пыли и пара, а когда всё рассеялось, то предстала более ужасающая картина, чем в Хиросиме и Нагасаки.

В эпицентре взрыва оказалось полгорода. Те кварталы, что находились дальше, были разрушены в меньшей степени, там в завалах людей погибло меньше. Те, которые получили не смертельные ожоги, лежали или сидели на земле и стонали от боли. У одних обгорели волосы, одежда, с других свисала почерневшая кожа, и из страшных ран сочилась кровь. Дети громко плакали и звали своих родителей: «Мамочка, помоги! У меня всё горит», – кричали они. Обезумевшие матери, отцы не знали, как им помочь.

Группа студенток с обгоревшими лицами, шеями, руками сидела на тротуаре возле дымящегося кафе. Плача, девушки пытались вскрыть себе вены на запястьях с помощью маникюрных ножниц. Боль была столь чудовищной, что им хотелось скорее умереть. Некоторые люди брели по улицам, как безумные, и не могли узнать свой город – всё было в руинах. Многие из них искали воду, так как раскаленная жара забрала из тел влагу. Жажда оказалась невыносимой, и раненые умоляли друг друга: «Дайте воды, воды!» Они искали воду, зная, что через город проходят две реки. По воздуху летал пепел, и было много черного дыма. Кто-то крикнул: река там, и все устремились туда. Слепые, ослепшие от вспышки тоже шли к воде, вытянув руки вперед. Дойдя до реки, многие бросались туда, жадно припадали к воде и не могли остановиться. Это приводило к смерти, их тела уносило течением. Вскоре множество таких тел кружилось в водоворотах.

Спустя некоторое время на дорогах показались машины скорой помощи. Врачи в белых шелковых костюмах и масках начали оказывать помощь раненым, но их было слишком много. Стоны и плач доносились со всех сторон. В зоне эпицентра царила радиация, туда отправили военных из числа добровольцев. В противогазах и костюмах серебристого цвета они искали живых среди развалин и трупов. А над городом летал вертолет: ужасную картину ядерного взрыва снимали на камеру.

В эти часы в Вашингтоне, в кабинете президента США, шло совещание. О случившемся политики еще не знали. Вокруг длинного журнального столика на диванах сидел узкий круг политиков, военных и сотрудников ЦРУ. Обсуждали, что же делать с советскими ракетами на Кубе. И тут в Овальный кабинет вбежал помощник президента Банди с круглыми от ужаса глазами. Все обернулись к нему.

– Господин президент, русские запустили ракету по городу Мобид. Город почти уничтожен!

Все вскочили с мест, и Кеннеди с белым лицом спросил:

– Когда это случилось?

– Примерно десять минут назад.

– Почему только сейчас сообщили?

– Вся мэрия города погибла, да и связь оборвалась.

И тут начальник штаба войск Кребс почти вскрикнул:

– Господин президент, мы должны срочно нанести ответный удар не только по Кубе, но и по городам СССР, пока с Кубы не взлетели другие ракеты!

– Вы правы, дорога каждая минута. Что скажете, господа? – спросил Кеннеди у остальных политиков.

Все закивали, и Кребс продолжил:

– В свое время нами был разработан план под названием «Дроп» – это на случай войны с СССР. По нему мы запустим ракеты по ста их городам, имеющим стратегическое значение.

– А у русских есть такой же план?

– Должен быть: все начальники штабов разрабатывают такие планы на случай войны.

– Тогда приступайте, пока ракеты не уничтожили другие наши города. Сколько на это потребуется времени?

– Полчаса, – ответил министр обороны Макнамара. – Для этого мы должны привести в боевую готовность ракеты НАТО в Турции, Италии и Англии, затем подготовить к запуску тысячи межконтинентальных баллистических ракет, и уже в конце оснастить водородными бомбами триста бомбардировщиков.

– Приступайте, когда будете готовы, сообщите, и я дам приказ о запуске ракет.

Минуло тридцать минут, всё это время у президента заседал комитет по проведению войны. Сюда постоянно звонили или заходили люди с важной информацией. Вскоре явились Макнамара и Кребс. Они доложили, что к войне всё готово, нужен лишь приказ главы государства.

Однако Кеннеди почему-то медлил. Вновь он принялся интересоваться мнением политиков. И тут у Кребса не выдержали нервы, генерал закричал на президента:

– Джон, чего мы ждем, иначе будет поздно! Вы ведете себя как трусливый мальчишка! Иначе это сделаем мы сами!

О том, что старые генералы недолюбливают молодого президента, было известно всем.

– Эй ты, закрой рот, – закричал Роберт Кеннеди, брат президента, вскочив с места. – Ты как разговариваешь с президентом США?!

Когда горячие головы успокоились, Кеннеди стал слушать мнения других политиков. В конце выслушал директора ЦРУ, затем Ландала, и обратился к самому молодому – Дени Бружони.

– Господин президент, – волнуясь, начал Дени и встал с места, – я прошу обратить внимание, что со времени взрыва Мобида прошло десять минут, и еще полчаса – на приведение наших ракет в боевую готовность по всему миру. В общей сложности – сорок минут, и Советы больше не нанесли удары по США – это значит, что ракета по Мобиду была случайностью.

– Ты прав! Я того же мнения, хотя в порыве мы чуть не погубили всю планету. Молодец Дени, ты спас миллионы жизней!

...В эту минуту Дени услышал телефонный звонок. Он оторвал голову от подушки и увидел, что находится в своей спальне. Уже утро, в комнате светло, а на тумбочке звенит телефон. Дени поднял трубку и услышал голос Ландала:

– Дени, доброе утро, я разбудил тебя?

– Хорошо, что разбудили, а то мне снился жуткий сон, будто одна из советских ракет взлетела с Кубы и взорвалась над одним из наших городов.

– Не дай Бог! Сейчас за тобой приедет машина, час назад летчики сделали новые снимки острова, и нужно их изучить.

Дени в оранжевом халате спустился на кухню и стал готовить кофе, пока все домашние спали. Кошмарный сон не выходил из головы. Ему, как специалисту по ядерной физике, было известно, что если над городом взорвется боеголовка в одну мегатонну, именно таким будем сценарий.

ТРИ МЕСЯЦА НАЗАД

1962 год. Дача Хрущёва на Черном море

Красное солнце склонилось к закату и зависло прямо над морем. На пустой берег лениво набегали золотистые волны.

– До чего красиво! – сказал Хрущёв, гуляя по пляжу со своим маршалом.

Малиновский снял фуражку и обернулся к красному зареву – даже море казалось багрово-красным. Его строгое лицо стало мягким, хотя минуту назад он докладывал генсеку о поставках оружия на Кубу через социалистическую Чехословакию.

– Я никогда не видел море таким, – признался командующий.

Как всегда, он был в форме, на груди – две звезды Героя и ряды цветных колодок. Маршал был невысокого роста, с крупным телом, как и у его друга, генсека СССР. Хрущёв же был в легком светлом костюме, с выпирающим животом, без галстука и в шляпе.

– Итак, Родион, что нам делать с Кубой? – спросил генсек. – Как ее уберечь от американцев, ведь Фидель Кастро у них словно заноза у слона в заднице.

– Это точно! – оба засмеялись. – Ты, Никита Сергеевич, всегда можешь подобрать точные словечки.

– Революция на Кубе – это огромный подарок для нас, коммунистов. Представляешь, под боком у сильной Америки – и вдруг коммунистический лагерь. Это бесит империалистов, ведь через Кубу идеи социализма могут проникнуть в другие страны – Мексику, Панаму, Венесуэлу. Именно Куба должна нам помочь осуществить революции в этих странах. Между прочим, Фидель уже сам готовит партизан для засылки в соседние страны, в Гватемалу, Бразилию, Колумбию... Представляешь, какая перспектива открывается перед нами! Торжество социализма, коммунизма на всем Американском континенте!

– Но Америка сильна, ядерных боеголовок у них в пятнадцать раз больше. Нам надо как-то догнать их.

– Я день и ночь только об этом и думаю. Экономика у нас еще слишком слаба, чтобы создать пять тысяч баллистических ракет. Но я уверен, что скоро наша промышленность пойдет в гору, и тогда мы покажем им «кузькину мать». А пока займемся Латинской Америкой, сделаем ее коммунистической. Вот тогда США будут нас бояться, а значит, и уважать. Лишь бы Куба выстояла, ведь дела у нее в экономике совсем плохи, а это ведет к недовольству народа. Дело в том, что когда кубинцы делали революцию, то не думали о социализме, да и коммунистов среди них были единицы. Народ просто хотел избавиться от диктатора Батисты. После захвата власти Кастро сначала подался к американцам, но президент Эйзенхауэр не принял Фиделя, назвав его очередным диктатором, ведь в Латинской Америке часто происходят перевороты. И вот тогда он пришел к нам. А когда Кастро объявил, что пойдет по пути социализма, это вызвало недовольство даже среди своих. Однако Фидель молодец, быстро расправился с недовольными. Теперь главная опасность для Кубы – это США. Фидель их сильно разозлил, отобрав у американских капиталистов кубинские заводы и фабрики.

– Мы должны создать там советскую военную базу. Главное, чтобы американцы не стали мешать нам.

– Пусть только попробуют, мы им покажем! Мы выиграли войну, разгромив Гитлера, и весь мир должен нас уважать.

– Я тоже так думаю. Если на Кубе появится мощная база и там будет находиться большой контингент наших войск, Америка подожмет хвост от страха. А если нападут, то им придется воевать с нашими солдатами – это уже война двух держав. Они этого не захотят.

– Мы так и сделаем. Другого пути спасти Кастро я не вижу. Он нужен нам как проводник идей социализма.

– Да, но это потребует больших расходов. Мы сами нуждаемся... А как кубинцы будут с нами расплачиваться?

– О чем ты говоришь! Они так бедны, что даже сам Фидель просит деньги взаймы у нашего посла. Без нас ему не удержаться у власти. Что-то стало прохладно, идем в корпус.

Генсек и маршал повернули к особняку с открытой верандой на море. У входа стояли два офицера в звании капитана и майора, которые разом отдали честь. Хрущёв и Малиновский молча поднялись на второй этаж и в коридоре разошлись по своим комнатам.

– Увидимся за ужином, – сказал генсек, – там и продолжим наш разговор.

Вскоре они снова встретились в пустой столовой. Хрущёв был в желтой пижаме, а маршал – всё в той же зеленой форме. Говорили о работе, вспомнили свою молодость, а на десерт Никита Сергеевич рассказал парочку неприличных анекдотов для веселого настроения.

После обильного застолья с водкой, слегка покачиваясь, Хрущёв вернулся в свою комнату. Хотя генсек давал себе слово, что на даче забудет о государственных делах, всё же так не получалось. Они привыкли работать сутками, а еще случались застолья у Сталина, продолжавшиеся до глубокой ночи. И всё это надо было выдержать не только ради должности – ради жизни... Сейчас страха давно уже не было, внутреннюю оппозицию он разгромил – в Политбюро только свои люди.

За полночь Хрущёв проснулся. В последнее время это часто случалось, все-таки через два года ему будет семьдесят. Сон пропал. Встал с кровати и, как был, в трусах и майке, подошел к окну и глянул на море. Светила луна, морская гладь приобрела стальной блеск.

Генсека опять охватила мысль о Кубе. Как убежденный коммунист, он не сомневался, что революция на Кубе – это первая ласточка социализма для всего Американского континента. Бедные люди избавятся от своих мучителей-капиталистов, отберут у них заводы и фабрики. Страной должны управлять рабочие и крестьяне. Вот, к примеру, он – сын шахтера, а управляет огромной страной. Задача социализма – чтобы не было богатых людей, и для этого в СССР отменили частную собственность. Теперь любое производство – в руках государства, кроме будок по ремонту обуви. Это случилось в 1917 году, когда коммунисты устроили переворот и захватили власть. В тот же год они отняли у богатых всё, вплоть до личных украшений и мебели. Вторая задача социализма – чтобы не было бедных. Вот с этим у них пока не всё получается, хотя у власти они уже сорок лет. Лишь руководители партии и высокое начальство живут в достатке. Тем не менее, Хрущёв, как истинный коммунист, верил, что именно он построит настоящий социализм, а лет через двадцать – и коммунизм. Это будет строй, когда советские люди смогут зайти в любой магазин и бесплатно взять всё, что им захочется – эпоха изобилия и отмены денег.

Размышляя о судьбе Кубы и глядя в даль Чёрного моря, он не забывал: на том берегу находится Турция. «А ведь там стоят пятнадцать нацеленных на советские города натовских ракет с ядерными боеголовками... А что, если мы сделаем то же самое на Кубе, под боком у Америки?» Такая мысль показалась ему заманчивой. «А что, если на Кубе установить ракеты с ядерным оружием, скажем, штук пятьдесят, и направить их на самые крупные города США? И самое главное – нам не нужно будет строить дорогие межконтинентальные ракеты, которые долетят до Америки, – тогда и среднего радиуса хватит. И нам не надо будет больше бояться этих проклятых капиталистов, они будут бояться нас. Это просто и гениально! – чуть не закричал Хрущёв. СССР и его генсека начнут уважать во всем мире. И тогда наши руки будут связаны, и мы поможем коммунистам в других странах совершить революции. До чего же удачная мысль пришла в мою голову! – вырвалось у генсека, шагающего в одном нижнем белье по комнате. – И я останусь в истории одним из знаменитых политиков, таких как Маркс, как Ленин... Об этом нужно срочно поговорить с Родионом!»

Хрущёв кинулся к двери, и тут вспомнил, что прежде нужно одеться. Быстро натянув светлые брюки, он вышел в коридор, где у лестницы стоял дежурный офицер. Хрущёв подошел к двери маршала и громко постучался.

– Родион, открой, это Никита!

– Что случилось, Никита Сергеевич? – открывая дверь, взволнованно спросил Малиновский.

Он был в пижаме, глаза сонные – все-таки уже два ночи.

– Идем ко мне, есть разговор.

Следуя за хозяином Кремля, маршал всё думал: что же стряслось, неужели решил отправить его на пенсию? Этого он не боялся – это же не расстрел, как было при Сталине.

Когда вошли в гостиную, генсек указал ему рукой на стол, где стояла ваза с фруктами, а сам стал расхаживать по комнате, от волнения его маленькие глазки сверкали. Рассказывая о своей блестящей идее, он сильно жестикулировал, то грозя пальцем Америке, то сжимая кулаки, словно хватал за горло врага.

– Ну, что скажешь? – спросил Никита Сергеевич, остановившись с довольным лицом напротив Малиновского.

Маршал задумался. Хотя идея была опасной, но рискнуть можно было. Малиновский не стал возражать, тем более что генсек не любил, когда ему перечили.

– Интересная мысль, Никита. А как американцы отреагируют на это?

– Да пошли они в жопу, ты думаешь, я буду у них спрашивать? Вот что ты мне скажи: сможем ли мы тайно перебросить ракеты на Кубу? Так, чтобы об этом не узнали американцы? Мы им сюрприз устроим.

– Мы постараемся, и всё же надо мне со своими генералами посоветоваться. Но ведь американцы всё равно узнают о ракетах у себя под боком – там летают самолеты-разведчики.

– Пусть узнают, но позже, когда мы уже установим их. Я сам сообщу Кеннеди, но в ноябре – у меня визит в США, то есть на заседание ООН. Вот будет для них шок! – чуть не вскрикнул от радости генсек. – Разве это не гениально? Ну, скажи?

– Да, заодно и Кубу мы спасем.

– Я схвачу этого мальчишку Кеннеди за горло, – генсек, стоя посреди комнаты, показал руками, как именно. – Мы заставим американцев бояться нас!

На радостях Хрущёв раскрыл холодильник и достал бутылку водки и баночку рыбных консервов. Поставив всё это на стол, сказал:

– За эту идею следует выпить! – и разлил жидкость в хрустальные рюмки. В одну руку взял водку, а в другую – кильку на вилке. – Ну, давай, Родион, за успех этого грандиозного мероприятия.

После они еще выпили. Когда бутылка опустела, маршал сказал, что у него больная печень и больше пить он не может. Хрущёв отпустил его, сказав:

– Завтра мы летим в Москву, обсудим это дело с товарищами.

– А как твой отдых, ведь только приехали?

– Это подождет, разве ты не понял, что это мировая идея?

Когда Хрущёв остался один, он еще долго не мог успокоиться. Шагая по комнате, как это любил делать Ленин, генсек представил эту тайную операцию по доставке ракет на Кубу. Тем не менее Хрущёва беспокоила реакция США: а вдруг они устроят войну? Вряд ли, ведь тогда всему миру придет конец. «Я уверен: Кеннеди – слабак, и у него не хватит духа атаковать советские ракеты на Кубе. Да, будет сильный конфликт, но до войны дело не дойдет». По своей натуре Хрущёв был азартным игроком.

Сон совсем пропал. Хрущёв решил погулять по даче – подышать свежим воздухом и таким образом успокоиться.

Накинув синий халат, генсек вышел из здания. За ним, на расстоянии десяти метров, следовали два офицера. Кроме них, в кустах за елями дежурили снайперы. Вдоль аллеи горели круглые фонари. Никита Сергеевич был пьян, запах спиртного шлейфом тянулся за ним.

Хрущёв опустил на синюю скамейку с широкой спинкой и снял шляпу. Нежный ветерок обдувал его лицо и лысую голову, генсек перестал думать о Кубе. Вдруг на аллее из-за поворота возникла фигура – человек в черном костюме и шляпе, в руке – трость. Незнакомец направлялся к нему, и Хрущёв решил: судя по важному виду, это кто-то из членов правительства. Да посторонний и не смог бы проникнуть сюда. Когда мужчина приблизился, генсек разглядел его: лет пятидесяти, легкая седина уже коснулась пышной прически, похож на иностранца. Этого человека он видел впервые. «Коль его пустили сюда, значит, свой», – рассудил генсек.

Да и личная охрана, что стояла у пальмы, почему-то не подошла к нему, словно они не видели человека с тростью.

– Ты кто будешь? Я вижу тебя впервые.

– Никита Сергеевич, позвольте сначала присесть, – вежливо попросил тот.

– Ну, садись, – удивился Хрущёв.

Станный незнакомец учтиво поблагодарил. Хрущёв глядел на него с любопытством. «Что за чудак? С тростью ходит, как в старые времена».

– Я – профессор политологии, моя фамилия Берг.

– Немец, что ли? Или еврей? – спросил генсек.

– Вы очень проницательны: мои предки – из поволжских немцев России.

– Если б ты оказался евреем, то смешной анекдот рассказал бы. Ты как сюда попал? – насторожился генсек.

Берг лгисто улыбулся и уклонился от ответа на вопрос:

– Я – Ваш поклонник и хотел бы написать книгу о Вас, как о замечательном политике. Вы творите мировую историю.

– О, как приятно слышать такое, хотя я и скромный человек! – сказал Хрущёв и совсем забыл, что так и не получил ответа на свой вопрос, лесть сделала свое дело.

А профессор продолжил:

– Особенно мне нравится, как Вы с глубоким убеждением, как истинный коммунист, соратник самого Ленина, поддерживаете Фиделя Кастро. А ведь Куба – это лишь начало социализма на всем американском континенте.

– Дорогой товарищ, как замечательно, что Вы понимаете меня, словно мои мысли читаете. А вот среди членов ЦК есть такие болваны, которые не могут понять это. Какой Вы умный!

– Всей душой я поддерживаю ваши идеи.

– Коль ты профессор, то в каком университете работаешь?

– Видите ли, я иностранец.

Генсек перестал улыбаться, взгляд его снова стал настороженным.

– Ты как тогда оказался тут? – он обернулся на свою охрану, стоящую в стороне, словно ничего не происходит.

– Я преподаю в Колумбийском университете, в США.

От таких слов Хрущёв отшатнулся. Однако Берг вмиг успокоил его:

– Хотя я и американец, но я коммунист и мечтаю, чтобы и у нас произошла такая же революция, как в России в 17-м году. И в этом деле социалистическая Куба должна помочь нам. В знак уважения к Вашей стране я даже выучил русский язык.

Такая речь тронула генсека, проникла в самое сердце, он забыл о социалистической бдительности по отношению к людям из мира капитализма.

– Вот моя рука дружбы, – с радостью воскликнул генсек и крепко пожал руку американскому коммунисту. – Верьте мне, что такой день наступит и для США, и в вашей стране не будет ни одного богача, ни одного эксплуататора рабочего класса.

– Я в это верю. Только прошу Вас, Никита Сергеевич, защитите Кубу любым путем. Мне думается, на этом острове нужно установить советское ядерное оружие. Только так можно спасти Кастро от США. К тому же Кеннеди – человек со слабым характером, сами понимаете – сын миллионера, любит сладкую жизнь. Ваши ракеты поставят американцев на колени, и испуганный Кеннеди станет Вас уважать. СССР будет супердержавой, повелевающей всем миром.

От таких слов Хрущёв в душе воскликнул: «Черт побери! Он будто мои мысли читает! Я думаю о том же! Берг лишь укрепил мою веру».

– Мой дорогой товарищ, какой ты замечательный человек, идем ко мне в комнату! Там выпьем за Кубу, за социализм во всем мире. Идем, не стесняйся, я – простой человек, хоть и глава такой великой страны.

– Извините, к сожалению, я не могу – у меня язва. В другой раз. Вы – великий политик, и для меня было честью беседовать с таким человеком. Мне пора, я должен принять мои лекарства, – и профессор зашагал по аллее, пока не скрылся из виду за поворотом.

Берг удалился, оставив о себе самое приятное впечатление. Хрущёв сожалел, что этот необычный профессор так спешно ушел, а ведь им вдвоем было о чем поговорить. «Этот ученый, видимо, читал в газетах все мои выступления. Вот откуда так хорошо знает мои мысли, хоть и иностранец. Но коль у него язва, то нельзя его задерживать, а то может открыться кровотечение». Эта болезнь была знакома генсеку не понаслышке – несколько его соратников умерли от нее, а причиной тому – водка и жирная пища.

В хорошем настроении, улыбаясь себе, Хрущёв вернулся в комнату и лег спать. Этот Берг придал ему уверенности, что на Кубу следует отправить ракеты.

КТО ЭТО?

Утром за завтраком с маршалом Малиновским генсек вспомнил о таинственном профессоре Берге. Доев свою яичницу с сосисками, он предложил другу выпить еще по рюмке армянского коньяка. Как говорят русские, «на посошок» – для настроения. Затем Хрущёв подозвал официантку и попросил:

– Люся, позови-ка сюда начальника охраны!

Через минуту мужчина лет сорока в темном костюме стоял перед ним, вытянувшись в струнку.

– Слушай, Володя, вчера ночью я имел беседу с одним очень приятным профессором, в парке, на скамейке рядом с фонтанчиком. Его фамилия Берг – найди его. Я хочу продолжить наш разговор, он очень умный человек. И что странно, его пустили на госдачу без моего решения, видимо, приняли за члена правительства, – и Хрущёв рассмеялся.

Хотя генсек был в хорошем настроении, главный охранник сильно побледнел от волнения и, с трудом выдавив из себя «Я сейчас же разберусь», стремительно зашагал прочь.

Удивленный маршал спросил:

– Кто такой этот Берг?

– Сам толком не знаю, но профессор политологии, очень знающий человек. Должно быть, его пригласили в страну по линии МИДа.

О том, что Берг – американец, хоть и коммунист, генсек не стал распространяться. Товарищи могут не понять его: нехорошо общаться с американцем, да еще среди ночи. Это подозрительно! Однако Хрущёву очень хотелось еще раз побеседовать с этим гостем.

Когда генсек поднялся наверх и стал укладывать свои вещи в чемоданчик, постучавшись, вошел Володя, начальник охраны. Он выглядел растерянным. Из его доклада следовало, что вчера ночью на дачу никого не пускали, кроме завхоза, который привез с базара свежие овощи и фрукты.

– Как же так? – удивился генсек. – Ведь двое твоих людей, Коля и Женя, были со мной и видели, как я беседовал с ним, сидя на скамейке.

– Извините, Никита Сергеевич, это невозможно. Они не подпустили бы этого человека к вам.

– По-твоему, я выдумал всё это?

– Что Вы, я не это хотел сказать...

– Ну-ка, позови сюда этих охранников.

Через минуту оба офицера стояли рядом со своим начальником, и один из них, заикаясь, произнес:

– Никита Сергеевич, мы не видели того человека в черном костюме. На скамейке Вы сидели один, и никто к вам не подходил.

– Тогда я с кем беседовал?

– Извините, но, кажется, Вы говорили сами с собой, – сказал второй охранник.

– По-вашему что, я рехнулся? Из ума выжил? – сказал генсек, перестав собирать чемодан.

– Никак нет, товарищ Генеральный секретарь. У нас и в мыслях не было такого... я клянусь...

– Ладно, идите, у меня есть дела куда важнее – мирового уровня. Просто мне хотелось бы еще раз встретиться с этим профессором.

Когда охранники вышли в коридор, один из них тихо сказал своему начальнику:

– Товарищ полковник, вчера ночью, когда генсек сидел на скамейке, от него шел сильный запах водки...

Второй охранник добавил:

- Сидя на скамейке, Никита Сергеевич беседовал сам с собой.
Полковник задумался на мгновение и произнес:
- Об этом никому, поняли меня?

МОСКВА

Когда самолет Хрущёва приземлился в московском аэропорту, члены правительства уже ждали своего хозяина. Шел дождь, хмурые тяжелые тучи нависли над городом. Все члены Политбюро были одеты в темные плащи и шляпы, с зонтами в руках. Чтобы встретить генсека, явился даже Сулов, прямо из больничной палаты. Довольный Хрущёв подошел к ним и каждому пожал руку. Все интересовались: «Никита Сергеевич, надеемся, Вы хорошо отдохнули, набрались сил?»

– Отдыхать – не работать. Всё было хорошо, только женщин там не хватало, – посмеиваясь, шутил генсек.

– А Вы бы намекнули, и мы отправили бы из Москвы самых лучших, – в том же духе пошутил Брежнев.

Опять все дружно захохотали. И тут генсек добавил:

– Я вижу, ты у нас, Леня, специалист по таким делам, не зря о твоих бабах шепчутся товарищи.

И опять всех охватил смех. Но Хрущёв быстро утихомирил их:

– Ну, хватит, а то вся Москва будет болтать обо мне нехорошие вещи. Наш народ простой, могут поверить, что Хрущёв увлекается такими делами.

Товарищи расселись по черным машинам, и длинный кортеж тронулся. У входа в Кремль, над которым возвышалась Спасская башня со шпилем и красной звездой, в ряд выстроились молодые офицеры, отдавая честь. Когда Хрущёв вошел в приемную, две пожилые секретарши вмиг поднялись и радостно приветствовали генсека.

– Ну как, девочки, – веселым голосом спросил он, – не скучали без меня?

– Ну как же без Вас, – ответили хором, – ждали каждый день!

– Я тоже заскучал и решил приехать пораньше. Впереди нас ждут большие дела!

Генсек прошел в кабинет. За ним последовали Брежнев, Микоян, Малиновский и Громыко, Игнатьев, Козлов и другие члены Политбюро. Товарищи устроились за длинным столом, Хрущёв сел во главе. Без всяких предисловий генсек начал:

– Вот зачем я вас собрал: вчера в голову пришла такая умная мысль, что до сих пор не могу прийти в себя. Наше совещание очень секретное – никаких записей, протоколов. У меня есть план, как защитить Кубу от Америки, от этих проклятых империалистов. Мы установим у товарища Кастро ракеты с мощными ядерными зарядами, то есть подбросим им в штаны ежа, – и сам тихо засмеялся. – Конечно, дело опасное, но без риска ничего не добьешься. Да и нам ли бояться их, ведь мы великий народ, который разгромил Гитлера! И за это весь мир должен благодарить нас. Мы – великая держава и должны вести себя соответственно. А что касается экономики – мы скоро догоним Америку!

От таких слов на лице бывшего министра промышленности Микояна появилась улыбка, генсек заметил это.

– Напрасно товарищ Микоян усмехается, видимо, он сомневается в нашей силе. Мы еще обгоним эту сраную Америку. Мы это сделали бы раньше, если б не усатый (Сталин), который уничтожил миллионы лучших людей, а после была ужасная война. Правильно говорю, товарищи?

Все разом поддержали генсека.

– Мы этой Америке еще покажем, – поддакнул Брежнев.

– Скоро весь мир отвернется от них, – добавил Громыко – министр иностранных дел, не желая отставать от Брежнева.

Однако сильнее всех сказал Игнатьев:

– Я скажу так: Ленин совершил великую революцию, а Никита Сергеевич, продолжатель его дела, построил настоящий социализм. Впереди нас ждут еще большие свершения.

Хотя это уже было явное подхалимство, тем не менее, все заплодировали, а Микоян стал возмущаться:

– Товарищи, зачем Вы из меня делаете оппозицию, ведь это не так. Ты, Никита Сергеевич, совсем не прав, говоря, что я насмеялся над твоими словами. Ты не так понял меня. Просто в этот момент я вспомнил один смешной анекдот про евреев – потом тебе расскажу. Да что я – человек из старой ленинской гвардии, всю жизнь отдавший социализму – оправдываюсь! Как ты, Никита, мог сомневаться во мне? Ты меня сильно обидел.

– Ну, не обижайся, а анекдот после нам расскажешь.

От волнения Микоян открыл минералку, налил в стакан и залпом выпил. Быть в оппозиции при Сталине означало расстрел, а при Хрущёве – ссылка в какой-нибудь захолустный город на окраине советской империи.

Игнатьев тихо шепнул Брежневу:

– До чего же хитер этот армянин, смотри-ка, выкрутился. самого Никиту обхитрил...

– Его обмануть легко, ведь у него всего четыре класса образования.

Хрущёв продолжил:

– Итак, о ракетах на Кубе: это надо сделать тайно, чтобы американцы не узнали раньше времени. А потом я сам скажу об этом Кеннеди, это будет ему большим подарком.

– Ох, и наложат американцы себе в штаны от страха, когда узнают о наших ракетах у себя под боком! – сказал Фрол Козлов.

– Это точно, – весело захихикал Хрущёв.

И все члены Политбюро рассмеялись, хотя от такой идеи на душе стало тревожно. Как поведут себя американцы? А что, если начнут войну?

Генсек продолжил:

– Вот мы с вами шутим, смеемся – а дело очень серьезное. Итак, свою мысль я вам сказал. Теперь ночь подумайте, а завтра еще раз соберемся и обсудим, а то я с дороги – устал. А ты, Родион, подумай, какие ракеты и что еще можно послать на Кубу. Еще раз предупреждаю, это сверхсекретный разговор, никто не должен о нем знать. Все свободны.

Было восемь вечера, уже совсем стемнело, когда машина доставила Микояна домой. Два охранника в военной форме проводили его до дверей квартиры. В широкой приемной он обнял сына Арсена – самого младшего, которому в тот день исполнилось двадцать семь. Другие дети давно жили отдельно со своими семьями. Вдруг распахнулась дверь в гостиную, и оттуда с шумом выбежала детвора, все кинулись обнимать дедушку. После поцелуев Микоян вручил каждому по плитке шоколада. То была мечта всех советских ребятишек, но лишь дети начальников могли лакомиться им.

Микоян вошел в гостиную, все встали, приветствуя самого старшего в роду. Он и его супруга сели во главе стола. И, конечно, первое слово было за ним. Микоян встал и с рюмкой водки в руке произнес тост за успехи Арсена, снова напомнив всем, что два месяца назад именинник защитил кандидатскую диссертацию по ядерной физике.

– Я думаю, уже пришло время моему сыну жениться и подарить дедушке новых внуков, – в конце произнес отец большого семейства, и все дружно захлопали.

Когда дети и внуки ушли, в большой квартире стало тихо. Женщины убрали со стола и гремели посудой на кухне. Микоян вышел на веранду, уселся в удобное кресло и закурил сигарету. Арсен последовал за ним. Отец был задумчив: идея Хрущёва о ракетах никак не выходила из головы.

– Папа, весь вечер ты был сдержанным, что-то случилось?

– Кажется, Никита сошел с ума. Я не должен об этом говорить – это государственная тайна, но как молчать, если он может погубить всю страну и весь мир?

– Война?

– Да, это может произойти. Весь вечер я смотрел на счастливые лица своих детей и внуков и думал... неужели... ведь современная война будет совсем другой. Об этом ты знаешь лучше меня. Завтра будет обсуждение, и я боюсь, что многие согласятся с Хрущёвым. Он не любит, когда члены Политбюро имеют другую точку зрения, потому за все его идеи мы голосуем единогласно. Так было и с идеей о кукурузе – засеять всю страну, что чуть к голоду не привело. Завтра может случиться то же самое. За последние годы власть так вскружила голову Никите... Если тебя окружают подхалимы и возносят до небес, ты невольно начинаешь чувствовать себя Богом.

– Но сейчас речь идет о жизнях миллионов людей! И об их жизнях тоже...

– Я надеюсь, завтра Никита откажется от своей идеи. А может, товарищи думают так же, как наш генсек? Если так – это ужасно страшно. Я боюсь за вас, за внуков, иначе ради чего я создал семью? Мне страшно. Завтра я должен Никиту как-то переубедить. Ты знаешь, наши военные показывают нам секретные фильмы об испытаниях атомных, водородных бомб. Это так страшно: одной водородной бомбы достаточно, чтобы уничтожить всю Москву. Это миллионы обгоревших трупов, а живых добьет радиация.

– Папа, у нас в институте есть проект такой бомбы, которая одна способна уничтожить весь мир.

– Слышал я про нее. Это стомегатонная, которую Никита хотел взорвать на острове Новая земля? Мы еле уговорили его не делать этого, ведь даже ученые не знали, какие могут быть последствия. А он всё твердил: «Зато весь мир будет бояться нас!» Испытание провели, но мощность уменьшили в два раза.

– Папа, я говорю о другой бомбе – в двести мегатонн, хотя можно сделать и в пятьсот, и более.

– Какой ужас!

– Академик Сахаров считает, что нет смысла работать над этим оружием дальше. Ученые поддерживают его, но боятся заявить об этом открыто.

– На одном из совещаний, куда были приглашены несколько атомщиков, Никита попросил их кратко высказаться. Сахаров выступил против дальнейших испытаний ядерного оружия. Так Хрущёв обрушился на него: «Ты ничего не смыслишь в политике, не лезь туда. Ты ученый, вот и занимайся своим делом».

– Папа, я хочу перейти в институт сплавов! Я не хочу создавать оружие.

– Тебе виднее. Хочешь, я завтра позвоню директору этого института?

– Папа, прошу тебя, не надо, я сам. Я не какой-нибудь слабак.

– Мне нравится твоя наивность, в молодости я был таким же.

– Ты стал сомневаться в социализме?

– Я этого не сказал. Если это признать, то выходит, что жизнь моя прожита зря. Хотя нет, о себе я не могу такое сказать, ведь я занимался промышленностью – строил заводы, выпускал товары, мои работники получали зарплаты и кормили свои семьи. Я занимался полезным делом, а не молот впустую языком, как другие. Ладно, я устал, пора спать. Завтра тяжелый день.

– Папа, а правда, что Кеннеди стал президентом благодаря нам, нашим спецслужбам?

– Откуда ты это взял?

– Об этом нам сказал Сахаров, оказывается, неделю назад Хрущёв проводил какое-то совещание с учеными и сказал это.

И тут Микоян так громко рассмеялся, что даже слезы на глазах выступили.

– Ох, Никита!.. Эти слухи он специально распускает среди нашего народа, чтобы показать, какой он сильный генсек... даже может влиять на президентские выборы в Америке. Об этом я как-то прямо спросил у Никиты – в ответ он тихо захихикал и признался, что сочи-

нил это. «Пусть народ знает, какая мы сильная страна». Любит он приврать. Но я считаю, что ради доброго дела не грех и соврать.

– Нет, папа, я не согласен с тобой. У нас в стране слишком много вранья.

– Вы, молодое поколение, уже другие – и это хорошо. Мы были малообразованные и совершили много ошибок. Возьми Никиту, он даже выступать не может, а какая у него речь – как у деревенщины! И при этом всех поучает: чем заниматься нашим ученым, как художникам рисовать свои картины, как сеять пшеницу. Смотри, всю страну засадил кукурузой, и остались мы без пшеницы; или ввел налоги на фруктовые деревья – и все люди вырубili свои сады; так же было и со скотом – невыгодно стало его содержать. Чуть страну до голода не довел. Разве с такими людьми социализм построишь?

В КРЕМЛЕ

На следующий день, когда Микоян явился на совещание в Кремль, у входа в здание он столкнулся с Брежневым. Они вместе стали подниматься по лестнице, и Микоян затеял разговор:

– То, что замыслил Никита – очень опасно.

– Мне тоже не нравится, но ты же знаешь Хрущёва. Если он вбил себе в голову... Я не пойду против него. Могу не у дел остаться.

– Если начнется ядерная война, то наши должности никому уже не будут нужны.

– Надеюсь, до этого не дойдет, Никита не дурак. Он тоже боится умереть. Кто знает, может быть, уже сегодня он остынет и откажется от своей идеи?

В широкой приемной уже собрались члены Политбюро. Все стояли у большого окна в ожидании Хрущёва.

Пока нет генсека, Микоян решил узнать мнение товарищей, обычно в кулуарах они более откровенны, чем при хозяине Кремля. Может быть, ему удастся некоторых из них склонить к мысли отказаться от опасной идеи. При Хрущёве сделать это будет сложно, так как его поведение непредсказуемо: то добряк, то злой.

– Товарищи, что думаете об идее Никиты Сергеевича? Мне лично она кажется рискованной. А что, если американцы развяжут войну, увидев ракеты на Кубе? Они решат, что мы готовимся напасть, и первыми нанесут ядерный удар – ракеты из Турции полетят на наши города.

– Верно говорите, это большой риск, – согласился Шелепин.

– С ядерным оружием нельзя шутить: один неверный шаг – и все мы погибнем, – добавил Громыко, министр иностранных дел.

– Мы не можем знать, что в голове у Кеннеди и его военных, надо быть очень осторожными! – сказал Брежнев.

Мысли товарищей понравились Микояну, в этом вопросе они едины. И тогда он добавил:

– Мы не должны рисковать жизнью и своей страной ради маленькой Кубы, которая недавно решила строить социализм. Если погибнет СССР, то погибнет весь социалистический мир, ведь они существуют благодаря нашей армии.

И все согласились с Микояном, со старейшим коммунистом, соратником Ленина, одним из немногих, кто уцелел при Сталине.

В окне кто-то увидел, как подъехала машины генсека, и сообщил об этом. Члены политбюро приумолкли.

Хрущёв поднялся на второй этаж, и в самом начале коридора увидел профессора Берга. Генсек обрадовался:

– Вот мы и встретились еще раз, мой таинственный профессор. Я ведь Вас искал, но почему-то не смог найти.

И тут Берг перебил генсека с весьма озабоченным лицом:

– Никита Сергеевич, я по очень важному делу, нужно поговорить.

– Однако у меня сейчас важное совещание.

– Я всего на минуту, это как раз и связано с вашим совещанием.

Хрущёв на мгновение задумался, потом обратился к своему советнику, стоящему чуть позади:

– Оставьте нас одних.

Вдвоем с профессором они зашагали по красной ковровой дорожке длинного коридора.

– Сейчас я проходил у дверей Вашей приемной и услышал разговор членов Политбюро, ожидающих Вас. Даю Вам честное коммунистическое слово, что этот разговор я услышал слу-

чайно. Он касался Вас, и затеял его Микоян. Они говорили о Кубе и почему-то ругали Вас, говоря, что Вы совершаете глупость. Одним словом, они все сговорились против Вас.

Услышав это, Хрущёв от злости покраснел, взгляд его стал колючим.

– Никита Сергеевич, только не сочтите меня каким-нибудь доносчиком, я сам не люблю таких людей. Я это сделал из глубокого уважения, потому что считаю Вас великим деятелем коммунистического движения. Вы – смелый человек и не боитесь этих зажавшихся американцев.

Хрущёв успокоился и даже улыбнулся, сказав:

– Ну, Вы преувеличиваете мои заслуги! Но все равно, спасибо за поддержку.

– Оказывается, Вы очень скромный человек!

Такая лесть покорила генсека, и он крепко пожал руку профессора. Правда, Хрущёву хотелось узнать, как Берг очутился в Кремле, ведь для этого нужен спецпропуск. Но на долгую беседу не оставалось времени – генсек спешил увидеться с товарищами, которые затевают против него заговор.

Берг, в своей неизменной шляпе и с тростью в руке, спустился по лестнице и с важным видом зашагал к выходу. У массивных дверей стояли два офицера, и еще один сидел за столом для выдачи пропусков. Он напомнил профессору:

– Извините, товарищ, Вы должны вернуть мне спецпропуск.

Берг остановился, насупил густые брови и сказал с кавказским акцентом:

– Мне не нужен никакой документ, здесь я хозяин!

Вдруг лицо профессора стало меняться, как и его одежда. И вмиг перед офицерами возник сам грозный Сталин, в белом кителе, на груди – Звезда Героя. Все вытащили глаза. Офицер, сидевший за столом, вскочил, точно ужаленный, и, отдав честь, выпалил:

– Простите, товарищ Сталин, не сразу признал.

Сталин молча направился к выходу. Два офицера отдали ему честь и вытянулись по стойке «смирно». Все трое дежурных были напуганы, лица – белее мела.

– Значит, народ еще любит меня, хоть и прошло девять лет! – произнес бывший вождь с хитрой улыбкой.

Выйдя из здания Кремля, Сталин вновь превратился в Берга. По лестнице спускался пожилой профессор – в черном костюме и с тростью в руке...

Прошло несколько минут, прежде чем трое офицеров, дежуривших у входа, пришли в себя. Они переглянулись, выскочили наружу и взглядами стали искать Сталина. Но вождь исчез. Старший офицер вытер потный лоб и произнес:

– Неужели нам померещилось?

Его подчиненные молчали, не зная, как такое явление объяснить.

– Может, это был гипноз? – сказал старший, майор по званию.

Офицеры вернулись на пост. После мучительных раздумий майор снял трубку и позвонил своему начальнику.

– Товарищ полковник, прямо сейчас мы видели товарища Сталина.

На том конце повисла тишина, и затем он услышал голос:

– Харитонов, ты сейчас где?

– Я на посту №2.

– Стой там, я сейчас подойду.

Через минуту к ним спустился начальник охраны с тремя другими офицерами. Они сменили всю охрану, забрав у них пистолеты. Офицеров повели в кабинет, и там они подробно рассказали, как возник Сталин и снова исчез. В тот же день всех троих поместили в психиатрическую больницу...

Хрущёв стремительно вошел в приемную, и сразу прошел в кабинет, ни с кем не здороваясь. Члены Политбюро последовали за ним. На их приветствия он ответил лишь кивком

головы и, как обычно, сел во главе стола. Все отметили про себя, что хозяин без настроения, а значит, следует быть с ним осторожным.

– Итак, – начал генсек, – я хочу еще раз узнать ваши мнения о размещении ракет на Кубе. Начнем с Микояна – самого мудрейшего члена партии и самого хитрейшего.

Микоян встал и начал:

– Никита Сергеевич, твоя идея очень интересная, и всё же меня беспокоит, не приведет ли это к войне с США? Каким будет конец такой войны, мы все прекрасно знаем. Да, мы не хотим войны, и потому в таких делах должны быть осторожны, тем более, что по количеству ракет США превосходят нас более чем в пятнадцать раз. Вчера ты сказал, что Кеннеди – слабак и на войну с нами не решится. Но там есть «ястребы» из Пентагона, которые могут надавить на молодого, неопытного президента. Вот что меня беспокоит.

На это генсек усмехнулся:

– Я так понял, что моя идея тебе не по душе, и потому за моей спиной ты стал подговаривать других. Это называется «заговор против Хрущёва».

– Никита, что ты говоришь, кто сказал тебе такое, это клевета! Кто-то хочет вбить клин между нами! Да, мы говорили о Кубе, пока ждали тебя, и некоторые товарищи высказали свое мнение. И что тут плохого?

– А, вот в чем дело! Такие важные дела нужно обсуждать со мной, а не как заговорщики шushукаться за моей спиной.

– Никита, называть своих товарищей заговорщиками, – возмутился маршал Малиновский, – это уже слишком!

– Дорогой Никита Сергеевич, прошу Вас, не обижайте нас такими словами, ведь мы вас любим! – сказал добрым басом Брежнев.

И снова заговорил Микоян:

– Если ты считаешь, что был заговор, то мы готовы повторить всё, что говорили до твоего прихода, тем более, что сейчас будет обсуждение данного вопроса. Правильно, товарищи?

За столом все разом поддержали. Микоян добавил:

– Я свою позицию сказал. Меня беспокоит, что эти американские «ястребы» могут развязать войну. Если хоть одна ракета взлетит, то за ней последуют все остальные, и от двух наших государств, а также от Европы останутся только развалины.

– Это мы и без тебя знаем! – сказал Хрущёв, – Я не хочу войны, но рискнуть надо. Если запахнет войной, тогда уберем ракеты. Но если Кеннеди испугается и стерпит, то мы создадим на Кубе военную базу и тем самым схватим Америку за глотку. И тогда Америка не сможет нам мешать ни в чем. Тогда мы поможем коммунистам всех стран взять власть в свои руки. Вы представляете, какая это грандиозная задача!?! Когда эта мысль пришла мне в голову, я всю ночь не спал. Итак, что думают другие члены Политбюро? Начнем с Фрола Козлова.

– Я поддерживаю Никиту Сергеевича: как всегда, он мыслит масштабно. Ракеты под боком у США – это дуло, приставленное к виску богатеев. Вот тогда капиталисты у нас попляшут!

Козлов стал вторым человеком в партии благодаря Хрущёву и был предан ему, хотя идея о ракетах пугала его – это прямой путь к войне. «Вряд ли американцы спокойно проглотят эту пиллюлю», – думал он.

За ним заговорил Брежнев.

– Внимательно выслушав Никиту Сергеевича, я понял, насколько это умная и смелая идея. Мы должны поддержать его. А что касается риска войны, то, как говорят французы, кто не рискует, тот не пьет шампанское! – с улыбкой добавил он в конце речи.

По характеру Брежнев был мягким, веселым человеком и избегал любых конфликтов, тем более, что Хрущёв не любил, когда подчиненные не разделяли его мнения. Это было опасно для карьеры. В этом случае ты лишился не только приличной зарплаты и многих льгот –

элитной квартиры, автомобиля вне очереди, талонов на дефицитные товары, такие как импортные мебель и одежда, мясо, колбаса, сливочное масло и так далее. Никто из членов Политбюро не хотел жить в бедности, тем более что новое поколение коммунистов уже не было фанатиками социализма.

Следующим был Громыко, министр иностранных дел. В душе он был категорически против ракет на Кубе. Как бывший посол в США он лично знал Кеннеди и не считал его слабым, так как в годы войны тот был удостоен ордена за личное мужество. Будучи командиром торпедного катера, Кеннеди спас жизни своим морякам, когда японский эсминец подорвал их судно. Так что Громыко, как никто другой из них, осознавал всю опасность этой игры. Он знал, что США – сильнейшая страна и не потерпит такого шантажа у себя под боком. Громыко не хотел перечить генсеку и всё же решил предупредить его. Это на тот случай, если что-то пойдет не так, и Хрущёв захочет всю вину свалить на него – мол, не предупредил его.

– Я хотел бы заметить, что американцы не потерпят у себя под боком такое оружие, которое уничтожит их страну. Я знаю психологию этих империалистов.

И тут Хрущёв взорвался и вскочил с места:

– Что значит – не позволят? Мы у них и спрашивать не будем, пусть у себя дома командуют. Подумаешь, самые богатые и сильные, пусть знают, что мы не боимся их! А Куба – это уже наша земля, потому что мы их кормим, одеваем, оружие даем!

– Я лишь хотел сказать, что американские политики так мыслят.

– Ничего, скоро мы заставим этих господ мыслить по-другому, по-нашему. Правильно говорю, товарищи?

Все разом поддержали хозяина. Министр иностранных дел пожалел о сказанном, тем более что все члены Политбюро уже изменили свое мнение и готовы были принять идею генсека, хотя она и была опасной.

– Итак, Громыко, ты поддерживаешь размещение ракет на Кубе?

– Конечно, это удачная мысль! Пусть эти американцы вдохнут запах пороха, то есть войны, тогда мы сможем навязывать им свою волю!

Выслушав всех, Хрущёв остался доволен и произнес:

– Выходит, что почти все товарищи мое решение находят верным. Тогда голосуем.

Все подняли руки. Единогласно.

– Я пригласил сюда нашего посла на Кубе Алексеева. Он только что прилетел с острова.

В просторный кабинет вошел мужчина лет сорока в темном костюме. По лицу его было заметно, что он сильно волнуется.

– Садись, Володя, рядом с нами, – заговорил генсек по-отечески. – Вот зачем мы вызвали тебя. Ты Федю знаешь лучше всех – я имею в виду Фиделя Кастро.

Все засмеялись, и Хрущёв продолжил:

– Мы здесь его так называем, по-свойски, как-никак, он стал нашим человеком. А ты ладишь с ним?

– Они даже друзьями стали, – вставил Громыко.

– У него нет секретов от меня.

– Это хорошо, молодец. Вот и ответь нам. Мы хотим установить на Кубе ракеты с ядерными зарядами и направить их на Америку. Скажи, как Фидель отнесется к этому предложению? Надеюсь, он обрадуется, имея такую защиту?

Алексеев встал с места и задумался всего на секунду:

– Никита Сергеевич, я не уверен, что Кастро даст согласие на установку ракет у себя.

Услышав такое, многие члены Политбюро в душе обрадовались. Если Фидель откажется, то опасность войны минует.

– Это почему же? – удивился и даже растерялся генсек.

Все уставились на посла. И тут Малиновский почти прикрикнул на Алексеева:

– Ты что говоришь, как он может отказаться?!

– Что ты набросился на человека, – вступился за посла Козлов, – пусть скажет свое мнение.

– Если на острове появятся ракеты, то для США это – смертельная опасность. Тогда американцы точно нападут на Кубу. Вряд ли Фидель захочет гибели своего народа, страны и революции.

На это Хрущёв твердо заявил:

– Я уверен, что дело до войны не дойдет. Если такая опасность возникнет, мы уберем свои ракеты с острова. А если Кеннеди струсит – в чем я уверен на все сто – то мы создадим там мощную военную базу и через Кубу сможем влиять на политику всех стран. Представляете, сколько выгод для нас открывается! Потому мы должны рискнуть. Год назад я беседовал с Кеннеди в Вене, и тогда почувствовал, что этот мальчишка – слабак. Да и что он видел в своей жизни, если отец его – миллионер! Ну подумаешь, окончил Оксфорд, воевал, орден получил... Разве это сравнить с тем, что мы испытали в своей жизни: революцию, голод, потом террор Сталина, разруху?! Вот где настоящая школа жизни! Так что он слабак, как и все эти сытые американцы!

– Верно говорите, Никита Сергеевич, – поддержал его с места Брежнев. – Американцы будут трястись за свою жизнь.

– Лёня, спасибо за поддержку! Итак, надо сегодня же поговорить с Фиделем и получить ответ. Я думаю, он не откажется: без СССР ему не удержаться у власти.

– Вы правы, Никита Сергеевич, – поддержал генсека Громыко, – Кастро уже четыре года не может поднять экономику, и это приведет к тому, что его свергнут свои же кубинцы. Мы должны спасти социализм на Кубе.

– Я согласен с Громыко. Хотя мы туда поставляем много чего, вплоть до пшеницы и одежды, всё же надо увеличить безвозмездную помощь. Если мы не поможем Фиделю, он отвернется от нас и станет дружить с Китаем.

– Но, Никита Сергеевич, – возразил ему Маслович, – мы и так много помогаем Фиделю, наша экономика еще слаба и народ сам нуждается!

– Я знаю, но дело социализма – это наш священный долг перед пролетариями всех стран, которые мечтают свергнуть богачей! Ты, Маслович, мыслишь узко. Плохо, что член Политбюро мыслит, как мещанин.

От таких слов генсека Маслович стал бледным – это могло грозить потерей должности. Здесь он был новеньким и еще плохо знал характер хозяина Кремля. На всякий случай Маслович решил покаяться:

– Никита Сергеевич, спасибо за замечание, я возьму это на заметку и исправлюсь.

– Это хорошо, когда наши товарищи так самокритичны. Это помогает нам избежать ошибок в работе.

Игнатов зашептал рядом сидящему Громыко:

– Молодец Маслович, вовремя сообразил, что сказать!

– Он же еврей, выкрутится из любой ситуации, – усмехнулся глава МИДа.

Далее Хрущёв дал слово министру обороны, сказав:

– Товарищи, а теперь Малиновский скажет, какое вооружение мы можем установить на Кубе.

Министр надел очки и стал читать:

– Товарищи, как вам известно, мы помогали Кубе и раньше, и поставили туда 405 танков, зенитные установки, самолеты. Теперь предлагаем направить на остров следующее:

– Два полка ракет Р-14 (24 ракеты с дальностью полета 4000 км, оснащенных 16 термоядерными боеголовками мощностью в одну мегатонну и восемь – сверхмощными зарядами по 2,3 мегатонны).

И тут Козлов прервал министра:

– У меня вопрос. Что означает «одна мегатонна»? Поясни это на примере Хиросимы.

– Две мегатонны – это в 150 раз мощнее.

– И сколько же людей погибнет от такой бомбы?

– В Хиросиме погибло до двухсот тысяч, из них половина – мгновенно. А десять тысяч, которые оказались под огненным шаром – ведь взрыв был произведен на высоте 600 метров над землей, – просто исчезли, распались на молекулы. В эпицентре температура составила 4000 градусов по Цельсию.

– Ну, хватит пугать народ, – перебил Хрущёв. – Мы не собираемся применять бомбы, только хотим немного «прижать» американцев. Родион, продолжай свой доклад.

Министр продолжил перечень вооружения:

– Три полка ракет Р-12 (36 ракет с атомными зарядами радиусом действия 2000 км).

– Шесть бомбардировщиков Ил-28А с шестью атомными бомбами мощностью 6 кило-тонн каждая.

– 36 беспилотных самолетов-снарядов ФКР-1 и 80 ядерных боеприпасов к ним.

– 12 тактических ракет ЗР10 («Луна») с атомными зарядами по две килотонны.

– Шесть береговых противокорабельных ракет 4К87 («Сопка»), тоже с атомными зарядами.

– 42 легких бомбардировщика Ил-28, 40 истребителей МиГ-21 элитного 32-го гвардейского авиаполка, 12 зенитных установок со 144 ракетами, 33 вертолета Ми-4.

– 26 боевых кораблей, в том числе два крейсера, 11 дизельных подводок с ядерными торпедами.

В общей сложности на острове будут находиться 50 тысяч наших солдат и офицеров. Руководить операцией будет генерал-полковник Иванов.

Когда министр завершил доклад, всем стало страшно. Столько оружия... Члены политбюро задумались.

И тогда Микоян воскликнул:

– Сколько ядерного оружия, ведь им можно всю Америку стереть с лица земли! Никита, это слишком опасно. Кеннеди такого не стерпит, да и военные...

– Именно такая мощь и напугает их. И этот слабак Кеннеди от страха сразу описается в штаны, – лысый генсек тихо засмеялся. – И тогда Джон пойдет на любые наши условия, если даже его генералы будут против. Я в этом уверен. А знаете, почему они трусливые? Потому что американцы хорошо живут и боятся потерять это. Потому Кеннеди и пойдет нам на уступки. Громыко, я прав?

– Разумеется, Вы правы.

– Мы будем давить на них столько, сколько это будет возможно, а если возникнет явная угроза войны – ладно, уберем ракеты. Мир нам тоже дорог.

Далее вопрос задал худощавый идеолог Суслов:

– У меня вопрос к Малиновскому. Я так понимаю, эти шестьдесят ракет будут сняты с боевого дежурства. Выходит, мы оголим какой-то участок СССР. Это не опасно для нашей обороны?

– Их снимут с Украины и Беларуси. Там они нацелены на европейские страны: Англию, Италию, Турцию. Европа нам не так страшна, как США, потому что в соцстранах много наших солдат, более полумиллиона, которые остались после войны. Если надо будет, то за неделю мы сможем захватить всю Европу.

Последний вопрос задал Косыгин:

– Как скрытно доставить на Кубу всё это оружие?

Ответил Малиновский:

– Для переброски войск и техники будут задействованы 86 торговых кораблей, якобы везущих на Кубу сельскохозяйственную технику. Они отплывут из шести портов от Североморска до Севастополя. Все грузы будут обшиты досками, а ракеты спрячем в трюмах кораблей. Тогда им не будет страшен ни один самолет-шпион.

– А как солдаты и офицеры, ведь 50 тысяч человек?..

– Их переоденем в гражданскую одежду и спрячем в трюмах. Да, задача сложная, но коль Коммунистическая партия поставила ее перед нами, то мы выполним. Эта операция будет назваться «Анадырь». Пусть американцы думают, что мы едем на учения в наш северный край Анадырь.

В конце помощник генсека раздал всем протокол совещания. Хрущёв сказал, что все члены Политбюро должны поставить там свои подписи.

– Зачем это, Никита? – спросил Подгорный. – Ведь это секретное совещание.

– А затем, что если что-то пойдет не так, чтобы не говорили, что Хрущёв принял решение единолично! Вы тоже отвечаете.

Микоян усмехнулся и тихо сказал: «Подписывайте, не бойтесь, если разразится атомная война, то судить будет некому».

– Что ты там шепчешь, Армен, ты подпишешь?

– Разумеется, ведь мы плывем в одной лодке...

В тот день Микоян вернулся домой после восьми вечера совсем разбитым. Наскоро поужинав на кухне, он закрылся в своем кабинете. Ему хотелось побыть одному. Переодевшись в пижаму, присел за рабочий стол и закурил крепкие сигареты «Казбек». На душе стало легче. В это время младший сын Арсен заглянул в кабинет и воскликнул:

– Папа, ты куришь, ведь врачи запретили?!

– Сейчас можно. Кто знает, может быть, в последний раз курю. Садись в кресло, есть разговор.

Ему хотелось поделиться хоть с кем-нибудь. На душе было невероятно тяжело. И отец рассказал сыну о безумной идее Хрущёва.

– Это слишком опасная игра. Можно сказать, мы у края бездны. Даже случайный выстрел может спровоцировать запуск ракет... Я думаю о нашей семье, о внуках. Зачем я родил и вырастил вас, чтобы все сгорело в ядерном пламени?

– Папа, неужели Хрущёв не понимает, что одной только ракетой в одну мегатонну можно разом убить миллион людей?

– Хрущёв непредсказуем, потому что малообразован, но при всем этом у него огромные амбиции. Слишком опасно, когда у политика умственные способности не соответствуют его амбициям. Это горе для народа...

ГЕДДОН

У подножия горы Геддон, между багрового цвета скалами, имелась пещера с узким проходом в рост человека. Об этой пещере знали все жители древнего городка Абрахим, что был всего в трех километрах от горной долины. Однако никто из них не осмеливался войти туда: слишком дурная слава гуляет об этой пещере еще со времен Адама и Евы. А те, кто всё же рискнул, выходили оттуда какими-то озлобленными. Говорят, с того дня в их душах зарождалась ненависть к священникам храмов и мечетей. Будто в сердца этих людей вселялась какая-то черная сила. Они становились демонами. С тех давних времен люди обходят эту пещеру стороной. Даже пастухи редко пасут скот у багровых скал, хотя весной травы здесь много.

Но год назад один американский турист, студент с рюкзаком за спиной, всё же вошел туда, хотя гид по имени Саид, которого он нанял в Абрахиме, всячески отговаривал его. Итог оказался плачевным. Если прежде студент был веселым парнем, то из черной пещеры вышел со злобно горящими глазами. О таких людях говорят, что в него бес вселился. Когда турист вернулся домой, родной город Сиэтл, то первым делом зашел в христианскую церковь. В это время святой отец читал отрывки из Библии. Юноша подошел к кафедре, достал из кармана брюк пистолет и трижды выстрелил в лицо старого священника. В зале началась паника, прихожане с криками кинулись к выходу. Тогда юноша открыл стрельбу по убегающим людям. Убил восемь человек. Суд признал его помешанным, но сам студент не считает себя таковым.

В один из дней Кубинского кризиса к этой пещере подкатил красный форд. Окна машины были задернуты желтыми занавесками. Из задней дверцы вышел профессор Берг в черном блестящем кителе. На груди его красовался золотой медальон с изображением черепа, а на лысой голове – красная фуражка. Вид нелепый, но такая одежда была ему по душе. Затем профессор махнул рукой шоферу, машина развернулась и укатила прочь по узкой дороге между скалами.

Берг огляделся. Людей не видно! Держа в руке черную трость с золотым набалдашником в виде головы волка, он ступил в темное пространство пещеры. В тот же миг внутри замерцал тусклый свет. Берга ждал старик в холщовой рубаше до пят со светильником в руке. На груди у него висел черный крест. На макушке была большая лысина, словно нимбом обрамленная полоской черных волос.

– А, великий инквизитор, – воскликнул Берг, – как поживаешь?

– Что за глупые вопросы задаешь, – со злобой ответил старик, – что может измениться в моей судьбе?

– Ты прав, такие вопросы следует задавать живым.

Они медленно зашагали вглубь пещеры по мощеной дорожке. Старик – впереди, освещающая путь, а за ним – Берг с тростью в руке.

– Томас, я же говорил тебе: не носи крест. Это раздражает наших обитателей. Тем более твои грехи уже не смыть. Слишком они велики, небось десяток тысяч душ сгубил? А?

Берг усмехнулся, а инквизитор с бледным лицом молчал. И тут старик обратился к Бергу с просьбой:

– Прошу тебя, отправь меня в Царство света, я уверен, ты это можешь сделать.

– Да, иногда они забирают отсюда людей, если с годами выясняется их невиновность. Или если грех человека не столь значителен. Однако это не твой случай. Они не хотят тебя. Как они сказали, им неважно, что ты раскаялся и осознал содеянное зло. Важно другое: теперь уже не исправить твоих ошибок. Да и прошло уже пятьсот лет с того дня, как ты умер.

Вскоре они очутились в просторном зале с колоннами из красноватого гранита, между которыми стояли в несколько рядов деревянные кресла, окрашенные в ярко-желтый цвет. Низко над головой нависал серый потолок, весь в паутине. На колоннах были укреплены факелы, которые едва освещали мрачный зал. Яркий свет был тут ни к чему. Берг и инкви-

зитор подошли к круглому подиуму стального цвета. На этом возвышении стояло массивное золотое кресло. По красной дорожке Берг взойшел туда и уселся на свой трон, положив руки на широкие подлокотники. Высокая спинка его кресла заканчивалась изображением головы орла с горбатым клювом. Всё было из золота, кроме двух изумрудных глаз зловещей птицы. Берг достал из кармана тряпочку, протер свои лакированные черные туфли и произнес:

– Инквизитор, созывай мой народ, моих духов!

– Будет исполнено, наш господин, – с легким поклоном ответил тот и удалился из зала.

И тут же, откуда-то из глубины, трижды раздался звук армейского горна. Долгое эхо говорило о том, что эта пещера имеет продолжение. Вскоре отворились две боковые двери, и в зале стали появляться люди из разных исторических эпох, что было заметно по их нарядам. Первым явился Нерон в белой рубахе – тунике, с плеча императора свисала пурпурного цвета материя – тога. Толстый Нерон с рыжей бородой, как всегда, улыбался. За ним следовал Калигула в короткой синей тунике с золотым поясом, а у шеи – ряд золотых лепестков. Голубые глаза его были холодны, как и всегда. Лица императоров имели серый цвет, словно из их обладателей вытекла вся кровь. За ними шли люди разных эпох, от царей до простых убийц. И прежде чем сесть на свои места, все они кланялись Бергу. Имена большинства из этих людей были известны в истории. Из других дверей появился инквизитор Томас Торквемада, но уже в черном плаще и без креста. За ним – лысый Тавера в розовой накидке с пуговицами в ряд. Еще один знаменитый инквизитор Сиснерос в зеленом плаще, обшитом по краям золотыми нитями, с толстой Библией в кожаном переплете в руке. Когда Сиснерос сел на свое место в третьем ряду, Берг обратился к нему:

– Инквизитор Сиснерос, ты зачем держишь здесь Библию? Ты хочешь извратить наши темные души?

– Нет, ни в коем случае, наш Господин, – поднялся тот с кресла, – это пустая Библия, – и он с улыбкой раскрыл пустой переплет. – Просто по привычке ношу с собой, как память...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.